

Вячеслав Сорокин

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ТЕАТР

История одного спектакля

Русское эхо
2021

Сорокин В.Н.

С 65 Виктор Астафьев и театр: История одного спектакля. — Самара: Творческое объединение «Русское эхо», 2021. — 104 с.

ISBN 978-5-9938-0033-2

Сорокин Вячеслав Николаевич — родился в 1959 году в г. Кинель Куйбышевской области. После окончания Воронежского государственного института искусств, режиссёрских курсов АПРИКТ, аспирантуры Высшего театрального училища им. Б.В. Щукина работал актёром и режиссёром в Красноярском ТЮЗе, Рязанском ТЮЗе, Московском драматическом театре им. Н.В. Гоголя. Преподавал режиссуру и мастерство актёра в РФ МГУКИ, АПРИКТе. Автор нескольких книг по теории и практике режиссуры. Кандидат искусствоведения, режиссёр, заведующий кафедрой театрального искусства ИРДПО (г. Москва), член Союза писателей России и Союза театральных деятелей России. Живёт в г. Москве.

Эти воспоминания — попытка переосмыслить сценическое воплощение повести «Звездопад» и пьесы «Прости меня» В.П. Астафьева, которые по глубине и психологии своей несут, в первую очередь первые чувств юношеской любви, опалённой войной.

ISBN 978-5-9938-0033-2

© Сорокин В.Н., 2021.

Виктор Петрович вышел совершенно живой, с его чудной интонацией, и одно это убеждает меня, что не виденный мною спектакль по «Звездопаду» был точен.

Хорошо и всё, что связано собственно со спектаклем: это отлично снятое «хорошим Никоном» рождение спектакля со всеми сомнениями, нервами, заменами, ужасом и счастьем репетиций при авторе. И хорошо, что Вы не утаиваете ни своих слабостей, ни тёмных мест во внутритеатральной жизни. Это тоже вводит в атмосферу спектакля. И Мария Семёновна хороша!

С каким счастьем напечатал бы эту работу Тена Сапронов.

Поздравляю Вас! Тут надобна была отвага, и Вам её хватило. Это хороший опыт сопротивления беспамятству и хорошее побуждение к перечитыванию Виктора Петровича.

*С благодарностью за счастье воспоминания
Ваш В. Курбатов*

В первый год моей работы в Красноярском театре юного зрителя актёром, а это было в 1980 году, ничто не предвещало моей встречи с Виктором Петровичем Астафьевым, не говоря уже о чём-то большем. В то время ему было пятьдесят шесть лет, он был полон сил и энергии, во всяком случае так казалось со стороны. Писатель недавно вернулся в Сибирь из Вологды, поселился в Академгородке, а чуть позже обосновался в родной Овсянке и полностью отдался творчеству.

Ещё не написаны многие рассказы, повести: «Прокляты и убиты», «Весёлый солдат», «Так хочется жить», «Пролётный гусь», «Обертон»... И многое-многое другое. Во всех своих произведениях, так же как и в повседневной жизни, он был воинствующим идеалистом, нетерпимым к любым проявлениям несправедливости и в первую очередь со стороны власть предержащих.

Да, он жил тогда рядом с нами, но мы, к сожалению, в круг общения его никак не попадали, что было вполне объяснимо.

В том же 1980 году в ТЮЗе заведующим литературной частью работал молодой писатель Сергей Задереев. Я помню, как он был счастлив, когда вышла его первая книга «Дерево единое». Было неожиданно приятно: он подарил мне её, подписав: «Славе Сорокину, артисту, мирному человеку...» Я, правда, недоумевал: почему «мирному», я всегда был очень разный... Но настоящее удивление у меня вызвало то, что издана книга была с предисловием В.Я. Курбатова и, ни больше ни меньше, с благословения В.П. Астафьева.

Таким образом, Виктор Петрович предстал передо мной вот так «конкретно» через этого талантливого писателя и замечательного человека — Сергея Задереева — простого, общительного, иногда резкого, но всегда принципиального. «Мы с Петровичем... Петрович сказал... Петрович улетел в Игарку... Петрович высказал им всё...» — не сходило с его уст. Сергей очень любил Виктора Петровича и очень дорожил этой дружбой, и, как я потом понял, дружба эта была взаимной.

Но вскоре Сергей Задереев перевёлся на киностудию, а меня призвали в армию. Отслужив положенный срок, в 1983 году я вернулся в родной Красноярский ТЮЗ. Соскучившись по работе, начал с жадностью вновь входить в репертуар.

Как-то за кулисами появились два ассистента режиссёра по кино: такая строгая молодая девушка и улыбчивый мужчина. Они подошли ко мне и к моей жене Людмиле — актрисе нашего театра — и пригласили нас сыграть в двух эпизодах в снимавшемся тогда в Красноярске фильме режиссёра Артура Войтецкого «Ненаглядный мой» (Киностудия им. А. Довженко). Мы с радостью согласились.

— А что за фильм? — спросил я.

— Как? Вы не знаете? — очень удивились они. — Это же по Виктору Астафьеву!

Нам уже назначили день съёмок, договорившись лишь скорректировать время. Сердце моё радостно трепетало. Я уже не говорю о жене Людмиле, молодой актрисе, которая, как и многие артисты, мечтает о кино. В Красноярске снимают фильм, да ещё по Виктору Астафьеву, — и нас туда пригласили! А это значит: Виктор Петрович наверняка будет там и, может быть, даже скажет что-то, например, как лучше актёрам сыграть, чтобы быть более похожими на героев в его произведении.

Но Василий Грищенко, тогда артист и профсоюзный лидер нашего театра (будущий художественный руководитель Рязанского ТЮЗа), взял, что называется, «в оборот» этих ассистентов, и те, забыв про нас, сняли в фильме Васю и «его

команду». Казалось бы — эпизодические роли, но это были всё-таки роли в кино, да ещё по Виктору Астафьеву! Боль и обида не проходили долго. И когда съёмки фильма уже близились к концу, эти ассистенты появились снова. Мы играли на выезде сказку, кажется, в городском Дворце Культуры. Им нужна была только массовка. Они кинулись к нам, как к старым знакомым, даже девушка заулыбалась:

— Пойдёмте сниматься в кино, — приветливо позвали они.

— Спасибо, — сдержанно ответил я, — мы по вашему приглашению уже один раз снялись...

Вот так не состоялась моя «заочная» встреча с Виктором Петровичем Астафьевым. Фильм был неудачным, потом это признал и сам писатель. Но с Артуром Войтецким они поддерживали хорошие отношения, и Виктор Петрович всегда отзывался о нём с большим уважением. И через год после выпуска картины именно Войтецкий начал снимать ещё один фильм по произведениям Виктора Астафьева. Судьба ещё раз в связи с этим сыграла со мной очередную шутку.

После одного из спектаклей «Лети всё горе прочь!» по пьесе А. Кузнецова и И. Туманян, где я играл Петю Копейкина, такого школьного Сирано, ко мне за кулисы в буквальном смысле подлетел мужчина с восторженными глазами и поблагодарил за спектакль. Но похвала, как я потом понял, была только некоей прелюдией:

— Артур Войтецкий снимает фильм по «Последнему поклону» и «Где-то гремит война» Виктора Астафьева. Я второй режиссёр. Вы будете играть главную роль. Я вас нашёл. Вы подходите — я уверен на сто процентов. Завтра мы будем у вас в театре с оператором, сделаем пробные снимки, — всё так же восторженно сообщил он мне.

Кто из на двоих ликовал больше — я или он, затрудняюсь сказать даже сейчас. Но то, что меня ошарашили этим предложением, было бесспорно. Я не спал ночь, отыскал у себя в книгах эти повести, читал, погружался в них... А сердце колотилось от счастья. «Неужели это произойдёт?! И не где-нибудь в Москве или Ленинграде, а в Красноярске кино

настигнет меня! И не просто кино, а главная роль!.. Да где?! В фильме по произведениям Виктора Астафьева! Уж там-то во время съёмок писатель точно будет бывать часто, потому что кому, как ни ему, поправлять и уточнять процесс, что-то говорить, советовать...» — я уже строил планы, вернее сказать, мечтал.

Утром в театр на спектакль я летел, как на крыльях. Сказку отыграли, как мне показалось, на одном дыхании. После спектакля в гримёрку вошла заведующая труппой Надежда Ивановна Дуняхина и загадочно произнесла: «В фойе тебя ждет съёмочная группа». Сердце моё не просто колотилось — было переполнено счастьем... Оно стучало так, как будто я пробежал десять километров в робе, кирзовых сапогах и противогазе...

Влетев в фойе, где меня ждали, я даже не остановился для приличия, а прямо направился к ним, пожирая киношников глазами. Навстречу мне кинулся второй режиссёр, как будто мы были закадычными друзьями. Он приобнял меня и подвёл, скорее «преподнёс» своим товарищам, как сосуд с водой в знойной пустыне... Глаза его горели: «Ну, как? Вот! А вы говорили!...»

Они стали задавать какие-то вопросы: давно ли я работаю в театре, сколько мне лет, что играю? Ну, как обычно в таких случаях. В это время оператор щёлкал меня фотоаппаратом «Nikon»! Я что-то отвечал, комментировал, спрашивал, шутил... Я был счастлив!

Уходя, они сказали, что да, это были пробы, и что результаты будут известны очень скоро. В театре меня уже поздравляли. Кто-то по-доброму, кто-то с завистью — ну, это как обычно. Дни тянулись, а мне почему-то никто ничего не говорил. Через какое-то время я всё-таки нашёл этого второго режиссёра... И он с грустью (почему — не знаю) сообщил мне, что на «мою» главную роль утвердили Женю Пашина — артиста со студии им. А. Довженко. Это было для меня ударом...

Вот так не состоялась моя вторая встреча с Виктором Петровичем...

Спустя какое-то время я посмотрел этот фильм по телевидению на гастролях в городе Уфе в 1987 году. Картина получилась, на мой взгляд, какая-то бытовая. Не было в ней того астафьевского «стремления жить», жить по правде, по справедливости. Не было в ней того юношеского порыва любить, любить землю свою, близких и дорогих людей; и, самое главное, не было в жизни героев того «воздуха общения» между строк, чем так обильно насыщена удивительная его проза. Но я смотрел и завидовал тем, кто с экрана говорил словами великого Писателя.

Впервые я увидел Виктора Петровича вот так, воочию — 27 января 1985 года на семинаре Всесоюзного театрального общества, проходившем в Доме актёра Красноярска, посвящённом, кажется, проблемам творческой молодёжи края. Сначала, как положено на таких мероприятиях, выступил инструктор крайкома ВЛКСМ. Он говорил о неразрывной связи творческой молодёжи с молодыми рабочими, занятыми на стройках края, в частности в северных районах, а также об ослаблении творческо-шефской работы и о том, что она пущена на самотёк...

Безусловный интерес у нас вызвало выступление приглашённого специально на этот семинар Бориса Любимова — одного из молодых, но уже входивших в число ведущих театральных критиков страны. Он уже тогда поднимал серьёзные проблемы молодого поколения, подчёркивая то, что оно не способно решать большие задачи, потому что существует обособленность, инфантильность, леность... В театрах, в частности в московских, нет, по его мнению, спектаклей, которые бы волновали, трогали, не оставляли зрителей равнодушными, как это было, например, в 60-х годах. То творческое поколение из ничего делало театр, горело, рисковало... Застой в театре, по мнению критика, существует ещё и потому, что расцвет жизненных сил сейчас приходится на поколение, рождённое в 40-45-х годах, а его сегодня почти нет. Но мало обвинять кого-то и что-то, заключил Борис Любимов, надо поставить перед собой вопрос: что я

могу? И имею ли я право?.. Эти вопросы оказались очень актуальны и вызвали бурную дискуссию...

Когда вошёл Виктор Петрович Астафьев, аудитория несколько затихла. «Да, — подумал я, — не шибко он жалуется земляков своими встречами — работает много, оно и понятно». Писатель спокойно прошёл за стол, поздоровался, сел и молча внимательно всех оглядел. Было ощущение, что он только что прибыл с какой-то деловой встречи и некоторое время был внутренне взвинчен. Я не помню точно, с чего он начал разговор, но у меня отчётливо осталась в памяти та боль, которую Писатель выплеснул, касаясь темы культуры края. Он сокрушался о том, что обругали писателя Романа Солнцева, который выступил со статьёй в газете «Красноярский рабочий» по поводу претворения в жизнь лозунга «Сибири — высокую культуру!», где говорил, что со стороны властей мало что для этого делается. Виктор Астафьев недоумевал от того, что, например, в Вологде подобные статьи выходят чуть ли не каждую неделю и у них это — норма. «А здесь стоило правду один раз... да что и говорить?!..» Он всегда был резок по отношению к несправедливости, откуда бы она ни исходила.

Виктор Петрович переходил с одной темы на другую — видимо, хотел как можно больше поделиться с молодыми той болью и тревогой, что лежали у него на сердце, «дабы предостеречь нас от шагов неправедных». Писатель только что вернулся из Японии, где посмотрел фильм Андрея Тарковского «Ностальгия». С большим сожалением говорил Виктор Петрович о судьбе русского режиссёра за границей, о его последней картине, «целиком пропитанной Русью», и очень бы хотел, чтобы тот как можно скорее вернулся на Родину.

Особая страница разговора — Василий Макарович Шукшин. Последний раз Астафьев встречался с ним после съёмок «Калины красной», «на которую не добавили пятьдесят тысяч рублей, чтобы благополучно закончить картину. В результате — шестьдесят стран закупили её и платят за прокат огромные деньги, а в своё время гнобили на «Мосфильме». Сейчас, после смерти, столько друзей появилось —

откуда? Он называл Заболоцкого, Белова, ну, там, кое-кого из братьев артистов, а тут объявились... Последние лет десять, — как-то погрустнел Виктор Петрович, — почти не пил Василий Макарович — писал, работал. Чувствовал, наверное, что не успевал... И на самом деле много недоделал».

Не обошёл стороной и перемены, наметившиеся в стране в рамках «перестройки». Виктор Астафьев был осторожен по отношению к этому оптимизму.

— Поживём — увидим, — без лукавства ответил он. — Я говорил, что недавно из Японии приехал — вот где всё для людей делается. Нам до них пока далеко. Не очень-то верю я, что скоро перестроимся мы: уж больно они, наверху там, все одинаковые.

Это не было предсказанием. Просто его гений видел вперёд и прозревал больше, чем простой смертный.

Он много говорил о душе, о бедствиях, о несправедливости, конечно же вспоминал войну...

— Нам сначала покаяться надо в грехах своих, а потом уж смотреть, что там дальше будет... Мы с Марией Семёновой недавно ездили в её родной город — Чусовой. До этого много лет там не были, а пуще всего не были там на могилке дочки, которая умерла у нас после войны ещё. Приехали и сразу на кладбище: Господи, что с могилкой стало за эти годы? День был яркий, солнечный, мы подходим к кладбищу... Вдруг — за одну секунду откуда-то: тучи, ветер, вихрь, чуть не ураган — сучья ломаются, деревья трещат... Боже мой, Маня! — воскликнул я. — Это дочка встречает нас так: обидно ей, забыли мы её! Память стирается, а она говорит нам: нет, не должна стираться; она — память — изжигать нас должна... Вот тогда, может, и поменяется что-то, — заключил Виктор Петрович.

Спустя годы я снова очутился в любимом мною Красноярске, а точнее — в Красноярском ТЮЗе... Конечно, мы с женой и детьми почти каждый год навещали близких в городе на Енисее, но происходящее в театре касалось нас уже косвенно.

И вот в 1998 году меня пригласили в Красноярский ТЮЗ уже в качестве режиссёра поставить «Остров сокровищ». Мюзикл Б. Савельева по пьесе Д. Трифонова и В. Иванова, оказался, как говорится, в тему. Буквально следом я ставлю «Недоросля» Д. Фонвизина, после чего подписываю контракт с Комитетом по культуре на должность художественного руководителя ТЮЗа.

Ситуация в театре была не совсем простая, и основной проблемой, которую нужно было срочно решать, был репертуар.

Подправив несколько спектаклей из текущего репертуара в течение двух месяцев, я явился к бывшему заведующему литературной частью театра, а в ту пору — секретарю Союза писателей красноярской организации — Сергею Константиновичу Задерееву, который в силу должности, да и просто дружеских отношений, часто встречался с Виктором Петровичем. Для меня вопроса не существовало: я задумал поставить спектакль по повести «Пастух и пастушка». Сергей знал меня как артиста, но не как режиссёра, и рекомендовать меня Астафьеву в этом качестве с его стороны было не совсем правильно. Понимая, что Сергей мог уйти от решения этого вопроса, и это было бы понятно, я тем не менее очень на него надеялся.

— Сергей, — сразу заявил я, — хочу поставить «Пастух и пастушка». Как думаешь, Виктор Петрович разрешит?

К моей радости у Задереева вдруг загорелись глаза.

— Здорово! — ответил он. — Я тут на днях собираюсь к Петровичу в Овсянку, поехали — там и поговоришь.

Такого резкого и быстрого оборота событий я не ожидал.

Итак, ранним июньским утром мы выехали в Овсянку. День стоял солнечный и тёплый. На станции «Енисей» я, Леонид Иванович Федотенко (он тогда был депутатом Законодательного собрания края — курировал культуру) и ещё одна девушка, журналист (к сожалению, не помню её имени) пытали Сергея Задереева, что из гостинцев взять Астафьеву.

— ...А то возьмём чёрте что, а он этого не ест или вдруг нельзя ему по здоровью...

— Не знаю я, — отмахивался Задереев, — коньяк взяли, ну, возьмите чего-нибудь закусить...

В общем, набрали мы черешни, бананов, апельсинов, ну, там, колбаски и что-то ещё в этом духе... Автомобиль мчался в сторону Дивногорска. На сопках бурно просыпалась природа. Лето сибирское не больно-то длинное. И могучие стволы сосен, и густая листва берёз, пихт, осин, елей старались за короткий срок взять от природы всё по максимуму.

Свежей прохладой обдало нас, как только мы выехали к Енисею. Противоположный берег сдерживал мощными сопками с величавыми соснами, елями и лиственницами бурные воды красавца Енисея. Когда свернули в Овсянку, слева увидел я рубленую небольшую церковку.

— Иннокентия Иркутского... Петрович помог построить через какого-то мецената. А это — библиотека — его дар Овсянке, — пояснил Сергей. А через минуту: — Ну, вот, вылезайте, приехали.

Я вышел из машины, не чувствуя ног. Сердце стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди. Сергей нажал на звонок, прилаженный на воротах, скрывающих от чужого взгляда двор.

— Наверное, не работает, — пояснил он и, постучав кулаком в ворота, крикнул: — Петрович, принимай гостей!

Во дворе послышались шаги. Астафьев шёл открывать, при этом что-то бормотал. Калитка отворилась, и удивительно открытый и тёплый взгляд окинул нас:

— Звонок не работает. Петьке соседу сказал, как выйдет из запоя — сделает. Проходите, чего встали, проходите... — как-то неожиданно просто проговорил Писатель.

Мы поздоровались.

— Даму вам представлять не надо, — лукаво начал Сергей.

— Да уж... — улыбнулся Виктор Петрович.

— Это — Лёня Федотенко — депутат. Вам, кажется, знаком...

— Знаем депутатов, — Астафьев пожал руку Леониду Ивановичу.

— А это — главный режиссёр ТЮЗа — Слава Сорокин...

Пожимая руку писателя и онемев, я еле выдавил из себя:

— Здравствуйте, Виктор Петрович...

— Ну, ну, проходите... чего там... а сумок-то понабрали!.. — по всему было видно — он рад нашему приезду.

Небольшой двор вымощен досками: так уж в Сибири принято. Слева — огород с насаженными деревьями, а у дорожки красовались два молодых кедра. Рядом с ними — пень от срезанного дерева чуть меньше метра в диаметре — Виктор Петрович пояснит потом, что это, дескать, «подиум» — место, где писатель фотографировался с гостями, когда те изъявляли такое желание. Дальше стоял сарайчик, а у входа в дом — лавка. Одет был Писатель по-домашнему и очень просто: поверх рубахи накинута пиджачок, под которым — безрукавка и плотные брюки-трико. Он протолкнул нас в дом. В сенях и на кухне было очень чисто, и мы кинулись разуваться.

— Тапок-то на всех не хватит, — досадовал Виктор Петрович. Чуть влево от входа стояла печка. Рядом с ней дверной проём в комнату, в которой у окна стоял стол — «святая святых».

— Кабинет, — очень просто пояснил Писатель.

Странное чувство овладело мной: мне почему-то показалось, что я здесь уже был...

— Виктор Петрович, вот вам гостинцы, — Задереев стал выкладывать содержимое пакетов на стол: бутылку коньяка, конфеты, фрукты...

— Эти сладости даме отдай, а вот к бутылке взяли бы лучше редисочки да огурчиков, настругали бы салат... А то взяли непонятно чего — баловство для баб и ребятишек.

Пока готовили стол, разговор шёл от фразы к фразе — в основном Астафьев расспрашивал Сергея о делах в писательской организации. Выпили по паре рюмок, деловой разговор себя исчерпал...

— Вот, Виктор Петрович, Слава хочет делать спектакль, — без перехода заявил Сергей Константинович. — Вы поговорите, а мы пойдём покурим.

Я остался за столом один на один с Писателем и, естественно, себя просто не чувствовал. Астафьев пристально смотрел на меня... Я собрался с духом и выпалил:

— Виктор Петрович, я хочу ставить «Пастух и пастушка». Театр немного лихорадит, надо становиться на ноги, для этого есть неплохой творческий потенциал и, соответственно, нужна хорошая литература. Очень бы просил вас разрешить постановку «Пастух и пастушка» — как раз к 55-летнему юбилею Победы сделали бы. Весь край, город пронизаны вашим творчеством, а в театрах ничего вашего нет. Мне кажется, это неправильно... — слушая меня, Виктор Петрович как-то внутренне съёжился, я запнулся, испугавшись своей наглости, и понял — всё кончено, ещё не начавшись! А он вдруг как-то просто ответил:

— Как же ты будешь в ТЮЗе делать «Пастух и пастушка», если они у меня... этим делом всё время занимаются? Будут у тебя артисты по сцене ходить, трясти одним местом... Почитай лучше «Прости меня»...

— Читал, Виктор Петрович, — выпалил я, а внутри сразу вдруг всё вспыхнуло: не отказал! Не отказал! — В «Прости меня» любовь Миши и Лиды оборвалась, почти не начавшись, а в «Пастушке» Боря и Люся ощутили её и прожили за эти мгновения целую жизнь...

— Я смотрел кое-что по «Пастушке» и потом... потом какие-то сомнительные постановки — мне ничего не понравилось... Я вообще думаю, что на сегодняшний день эта вещь ни у кого не получится. Присылали письма, просили, не помню кто, — не разрешал... Я писал о чистой любви, сегодня всё это обесценилось; я не хочу, чтобы ходили на сцене и трясли м... — и через небольшую паузу как-то мягко добавил: — Посмотри «Прости меня»... для начала...

Я был не просто счастлив... В тот момент, несмотря на отказ в постановке «Пастух и пастушка», я ощущал себя одним из самых счастливых режиссёров. Он не просто разрешил, он не просто заинтересовался, мне показалось — он проникся моим предложением, я был бесконечно благодарен за это Мастеру.

— Спасибо, Виктор Петрович, — чуть слышно сказал я, а внутри эмоции переполняли и готовы были вырваться наружу с нескончаемой энергией, — а когда можно приехать к вам?

— Да когда хочешь, — мне показалось, что он внутренне улыбнулся.

— Через пару недель, — настаивал я.

— Давай, — как-то уже почти по-свойски.

В это время в кухню ввалились остальные гости.

— Ну? — спросил Сергей Задереев.

— Всё в порядке, — глаза мои горели.

— Да, я вижу. Ну, Славка, давай дерзай!

Мы недолго утомляли писателя. За шутками допили коньяк и очень тепло расстались. Именно с того момента я был наполнен новой пьесой и жил уже предстоящей работой с Мастером.

На следующий день в театре было официально объявлено о предстоящей постановке по пьесе Виктора Астафьева «Прости меня». Труппа загудела, как улей, — это, в принципе, неплохой знак для творческого коллектива. Но какая ответственность ложилась на меня, я тогда представлял плохо. С каждым днём страх становился всё больше и больше. А если не получится?! Для труппы — удар, да и мне, как говорят, мало не покажется. Понимая, что подобные мысли надо гнать как можно дальше, я твёрдо себе сказал: «Не получится — уйду из театра, а может быть, из режиссуры, это, по крайней мере, будет по-честному. Но!.. Тебе Господь дал такую возможность прикоснуться к Великому, и ты ещё чего-то рассуждаешь?! Всё получится. Вперёд!»

И я полностью окунулся в работу.

Персонажи и эпизоды возникали передо мной то — очень отчётливо, то — несколько смутно, сложно поначалу ухватить цельность произведения. Перечитав несколько раз повесть «Звездопад» и пьесу «Прости меня», я подумал, что открыл для себя какие-то вещи... Виктор Петрович, безусловно, гениальный писатель и талантливый драматург. Но

в повести в некоторых сценах герои живут взглядами, жестами, подтекстами, то есть жизнь персонажей наполняется ещё и авторским текстом. Тогда как в пьесе, зная законы драматургии, он выстраивает те же диалоги, добавляя в них несколько «действенных» фраз. Но ведь это можно сыграть, прожить... Мне захотелось вернуть некоторые сцены Миши и Лиды из повести в том виде, как они были написаны первоначально. Смысл не просто остаётся, он становится объёмнее за счёт атмосферы существования героев. И я нагло стал дополнять пьесу вставками из повести... Например, эпизод с мальчиками и часами мне показался на тот момент «тяжёлым», и я решил поменять его на агитбригаду студентов: частушки, «сцена с Гитлером» — то, что было в повести... Таким образом, я «перепечатал» пьесу, примерно с десятью «своими» предложениями.

Не знаю, осмелился бы я один на столь объёмные вставки, но меня поддержал в этом актёр Анатолий Новосёлов, который с радостью согласился на роль ассистента режиссёра, и который, впоследствии, в течение десяти лет будет оберегать спектакль в театре, где эта постановка будет обречена на столь долгую жизнь.

Итак, я «перепечатал» пьесу... Материал уже стал, что называется, «моим», герои «Прости меня» постоянно были в сознании: сцены крутились в голове в том или ином ракурсе — зрело решение спектакля. И двадцать пятого июня, сломя голову и содрогаясь от страха, я кинулся в Овсянку.

Ехал, а неуверенность угнетала меня: «Узнает — не узнает, то есть вспомнит ли? Ведь виделись-то всего один раз... Кто такой, чего надо?» — скажет, а то и вовсе ворота не откроет...»

Но обратной дороги уже не было, я был одержим пьесой, потому что на тот момент это была единственная и самая главная моя любовь. Чем больше я погружался в эту историю, тем больше она на самом деле становилась моей историей. Историей моих не вернувшихся с войны дедов: один пал под Москвой, другой — в Керчи; историей слёз и сирот-

ства моей матери, выросшей в детдоме; историей моих бабушек, в том числе и соседских бабушек родного Кинеля, преимущественно вдов, где «на весь порядок» тянули они лямку и жили своей нелёгкой бабьей долей. А ещё пьеса стала «моей» историей для сегодняшних молодых людей, когда на рубеже двух веков и тысячелетий они всё меньше и меньше верят в сострадание, самоотверженность, верность, доброту, дружбу и любовь. А именно эти качества должны оставаться путеводными вехами, млечным путём в жизни для нас и для будущих поколений. Да «Звездопад» не просто актуален, «Звездопад» — это крик в будущее! В одном из последних своих интервью Виктор Петрович скажет: «А эта постановка важна для них и для всего репертуара города. Нет сейчас в Красноярске такого серьёзного материала. Нету просто такого спектакля — военного, нужного, про Ромео и Джульетту, где чистая, славная детская любовь...»¹

Буду просить разрешения у Виктора Петровича назвать спектакль «Звездопад»...

Я вышел из машины и постучал в ворота. Послышалось тихое шарканье шагов, отворилась калитка.

— Здравствуйте, Виктор Петрович, — нарисовался я. Писатель, конечно, не узнал меня, начал всматриваться, — я из ТюЗа, был у вас с Сергеем Задереевым, вы сказали, что я могу приехать... — силился вразумительно закончить своё предложение.

— А, Слава?

— Да, — пробормотал я, ошалевший.

— Проходи, проходи, — и протянул мне руку.

— Если не вовремя, то я ненадолго, или... — он вопросительно посмотрел на меня. — Если вы заняты...

— Ну, ты ведь не только водку пить приехал, — мягко улыбнулся Виктор Петрович, — проходи.

Эта шутка меня слегка приободрила.

— Нет, конечно, — уже не лепетал я, — хотя я с собой взял...

¹ Ромео, Джульетта и тьма. В гостях у Виктора Астафьева. Интервью В. Майстренко. Новое и старое. № 6. 2001.

— Ну и ладно, немножко можно. Мне, во всяком случае. Ну а ты можешь побольше.

Воодушевлённый, я продолжал:

— Ещё огурчиков с редиской привёз, а то в прошлый раз как-то...

— Вон в тазу в сенях помой их, — охотливо поддержал он меня, — а потом покроши в чашку.

Минут через десять мы сидели за столом. Виктор Петрович не стал меня ни о чём спрашивать: что я перечитал, какие у меня возникли трудности, сомнения, что непонятно, какие, может быть, родились мысли или варианты? Он начал разговор сразу с воспоминаний опалённой юности, как будто «Прости меня» давно репетируется.

— История в «Звездопаде» — это история моей любви. Да... Я вот здесь родился, а любовь первая моя случилась в Краснодаре, в госпитале. Нас вообще-то везли в Джамбул, но всё закончилось на станции Васютинской. Выбросили нас всех тут. А госпиталь, как на грех, закрылся, тогда всех в Краснодар и кинули... Да... Там в сестрицу влюбился, и она в меня, слава Богу, влюбилась. Хотя я после ранения в глаз правый, чё там!.. Вот у меня тут на виске было... да и сейчас... Ой, плакал: красоту всю испортили! А её и не было никогда сроду, — Виктор Петрович как-то по-детски рассмеялся. И тут же продолжил: — Ну, бойкий был мужик, начитанный... Любовь медсестры и солдата... солдата, который был сиротой. Сироту охватывает страшное чувство одиночества, не тогда, когда он бродит где-то там, шаро-мышничает где-то по карманам, хлеб ворует, замерзает где-то... Не тогда. А когда привезут его в детдом, обмоют его и в изолятор... — Астафьев чуть задумался.

— Почему в изолятор? — тихо попытался я вернуть его к рассказу.

— Всё очень просто... Когда меня подобрали, у меня на пальцах на ногах — экзема, чесотка была, и весь я во вшах — обобрать надо было... и меня, конечно, в изолятор, — он опять на секунду остановился и тут же продолжил: — Страшное чувство одиночества — с ума можно

сойти! Ты мокрый, чего-то холодно тебе... То же самое в госпитале...

На передовой как на производстве: вот тебя гоняют, под жопу пинают, ты нужен — господа офицеры поматерятся, поорут, ты, хоть огрызаешься, но ты нужен! Но как ранило — уже никому не нужен...

Немножко отвезли от передовой — с перекладными, так, саяк... ехать надо... а ты делай чего хочешь. Нигде не бинтуют, а подбинтовывают. В результате на ране, значит, такая кипа бинтов образуется, они ссыхаются все в фанеру, потом отдирать — рёв стоит... Ты наливай, наливай, да себе-то побольше...

— Да, ничего, нормально, — тихо сказал я, боясь сбить его с ритма истории. А Виктор Петрович уже заводился в своём рассказе.

— И обязательно же купать — в каком бы ты состоянии ни был. Какая же там ванна, Бог прости, — вся в корявинах! Но тебе мокнуть надо... Ну, опытные солдаты, они руки намоют да голову — на, смотри, вот мокрый! Но это опыт иметь надо, а других, ой-ёй, засадят и поливают холодной водой, ага! — он подцепил вилкой редиску, перехватил мой взгляд, я тут же спросил: «А там, в госпитале?»

— А чё там? — слегка усмехнулся Виктор Петрович. — Меня за печку положили. Никто не подходит, курва, никто на тебя внимания не обращает. Боже мой! Какое мироздание вокруг — и ты один — никому не нужен. Сирота, только взрослый уже... Сознание-то более зрелое, значит, ощущения более острые... Само ощущение боли, сиротства гораздо острее, чем в двенадцать лет, когда я попал в детдом... И вдруг, где-то ночью, ты уже забылся, устал с дороги, вдруг ладошка на голову: «Как вы себя чувствуете, больной?» Открываешь глаза, а тут ещё и красивая девка! Ну, конечно!.. Вот сразу и влюбился. Ну, ангел же, ангел же с небеси слетел!

Было ощущение, что Виктор Петрович вновь переживает это первое чувство любви. Он был здесь, со мной, реально, и в то же время он находился в каком-то другом измерении

или, по его выражению, мироздании. Вот это странное, необычное, но очень красивое чувство будет меня преследовать всегда, где бы и когда бы я ни встречался с Астафьевым.

— Ты наливай, чего не пьёшь? И закусывай, куда, выбирать, что ли? — между прочим бросил Виктор Петрович.

— Спасибо, не беспокойтесь... — мне хотелось вернуть его к рассказу. Но он уже продолжал:

— В сестёр влюблялись, в нянек влюблялись. А няньки были — вот тётенки, которые нас жалели всех; им надо всех нас ощупать, ножки прикрыть: «Как чувствуешь? — спросит. — Скоро сестра придёт, укол сделает...» — градусник поставит. Да, а чё от этого градусника? Ну, хоть градусник, и то ладно... Вроде это и просто, и в то же время глубочайшая нежнейшая тайна отношений.

До этого момента Виктор Петрович улыбался, потом как-то задумчиво добавил:

— Горе рождало эту любовь? Не знаю, может быть...

— Только горе? — спросил я. Он ответил, почти не задумываясь, но уже улыбаясь:

— Ну, в счастье она рождалась, наверное, у дворян. Ну, эти, которые в платьях, на балу. А я не скажу, что они были счастливее нас! Что? Любовь более пламенная была? Не уверен. Они палили друг в друга из пистолетов — тоже чего-то не хватало им... Ну, ты, я смотрю, не ешь совсем...

— Не хочу, правда, спасибо.

— Давай, давай, — настаивал хозяин.

— Ну, а сестричка? — я опять пытался его вернуть к воспоминаниям. Его погружение в опалённую юность, это было видно, так сильно увлекло Писателя, что он на самом деле будто вновь переживал их.

— Что сестричка?

— Вы говорили: пожалела вас...

Виктор Петрович рассмеялся:

— Это я её пожалел! Хотя она оканчивала медицинский институт, но у меня осознание-то выше было; и начитан я чуток был, да и сиротство обострённое... Вот этот кусочек сахара, который нам достался, мы бы растворили в лохани

с помоями, оставшись вместе... Она девка вспыльчивая, мы бы поссорились, как это у многих бывало... — он опять замолк, и только тут я вдруг понял, что злоупотребляю его отношением и временем, а ведь мне нужно было решить принципиальные вопросы. Я собрался с духом и начал свою тему:

— Виктор Петрович, у меня несколько предложений или пожеланий, или, наверное, просьба... по поводу «Прости меня»... — он поднял на меня вопросительный взгляд, я понял, что это — всё! Волнение охватило меня, а что-то внутри толкало: «Давай, вперёд!» — Можно ли что-то вернуть из повести в сцены пьесы?

Он на самом деле не понял и спросил:

— Чего?

Я начал смелеть.

— Вот здесь в двух диалогах Миши и Лиды оставить варианты, которые написаны в повести, — я уже держал свой режиссёрский экземпляр пьесы.

— Ну, так и чё?.. — вдруг равнодушно ответил автор.

Я оторопел, но продолжал:

— У вас замечательный эпизод в повести с агитбригадой и психами, который может перейти в сцену «Изолятор»... — Астафьев насторожился, у меня пересохло в горле, но я упорно продолжал: — Мне кажется, этот игровой момент эмоциональнее и жёстче, чем эпизод с мальчиком...

— Ну, так ладно, — так же спокойно ответил он.

— Потом...

— Ты наливай себе, — он, видимо, пытался меня успокоить, — делай, посмотрим.

— Мне очень важно понять вашу позицию, — сопротивлялся я, — потом посмотрите — скажете — чего автора коверкает? — понимал, что наглею, но меня уже несло. Виктор Петрович внимательно посмотрел на меня и как-то грустно ответил:

— Я ведь почему не разрешаю ставить сейчас своё? Боюсь, опошлят всё... модничают... а зачем? Вон в драме посмотрел я «Капитанскую дочку» на презентации собрания сочинений Пушкина и что? Ну, как?..

Я был на этой презентации, и мне нечего было возразить Виктору Петровичу, поэтому — молчал, а он начал всерьёз заводиться.

— Александр Сергеевич всё написал! Ну, ты хотя бы донеси до зрителя замечательный язык его прозы... Ну, не выдумывай того, чего нет!.. Зачем там письма Екатерины и Дидро? Зачем — экран с картинками? А это голое тело на телеге? К чему?

— Не знаю, Виктор Петрович, — я понимал, что эти все вопросы адресованы мне как предупреждение к предстоящей работе.

Дело в том, что в канун 200-летия со дня рождения великого поэта в Красноярском драматическом театре имени А.С. Пушкина состоялась презентация его Полного собрания сочинений, не издававшегося с 1937 года. Замечательный пятитомник был выпущен Фондом Анатолия Быкова. На эту презентацию была приглашена интеллигенция города, был, конечно, и Виктор Астафьев. Его пригласили на сцену, он очень тепло и с благодарностью выступил в адрес издателей. Гости из Москвы с нескрываемой завистью говорили об этом событии в литературной жизни страны и сожалели, что Москва не смогла этого сделать. После чего был показан спектакль «Капитанская дочка», а потом — фуршет в нескольких фойе театра. В большом — было начальство, откуда по микрофону транслировались «тосты» для тех, кто был в отдалении у других столов. Но каково же было моё удивление, когда я увидел Виктора Астафьева, сидящего в одиночестве за одним из «дальних» таких столов и жующего бутерброды... Подойти тогда к нему я не решился, так как мы ещё не были знакомы...

— Где же Пушкин? — продолжал негодовать Виктор Петрович. — Непонятно, зачем всё это?..

— Сейчас, как никогда, режиссура ищет в первую очередь оригинальность формы, подстраивая под неё содержание. Сегодня так ставят... Вот, видимо, театр Пушкина и пригласил... — попытался объяснить я.

— А я вот как раз и боюсь этого, — с болью сказал Писатель, — они, театр Пушкина, просят меня разрешить поставить что-то... Пока жив, не дам коверкать то, что выстрадано было. Зачем? Всё возьмут да и поставят с ног на голову.

Мне нечего было ему возразить. Состояние моё было ужасное: это было в мой адрес, в первую очередь в мой; поэтому я решил высказать свою позицию:

— Виктор Петрович, я не выпущу спектакль, пока вы не посмотрите и не дадите добро. Это — первое. Потом: мы будем работать через содержание — так меня учили — ставить автора, а не по мотивам... Я, правда, не выпущу спектакль, если вы...

— Да, ладно, — вдруг игривым тоном прервал он меня. — Наливай рюмку-то, — и добавил: — Поживём — увидим...

— Ну, эта уже на посошок... — выдохнул я.

До сих пор не знаю, почему Писатель, столь остро относясь к подобного рода театральным экспериментам, разрешил мне ставить «Звездопад»... Может быть, потому, что я очень этого хотел...

В начале июля, перед отпуском, я приехал к Виктору Петровичу попрощаться до осени, сообщив, что спектакль включён в план, а репетировать мы начнём непосредственно с начала сезона. Правда параллельно Леонид Федотенко будет работать над спектаклем по пьесе П. Кальдерона «Дама-невидимка», выпуск которого планируется к юбилею театра в декабре, а мы «Звездопад» будем сдавать весной, ориентировочно в марте, чтобы ко Дню Победы сыграть его несколько раз, то есть немного «обжить».

Виктор Петрович сокрушался ещё и о том, что в день начала войны — 22 июня — по телевидению весь день шли развлекательные программы:

— Да что же это такое? Разве можно забывать? И не сказать ни слова... На, прочти... вот в «Роман-газете» потрясающая история на антивоенную тему Дальтона Трамбо «Джонни получил винтовку». Вот где крик души человеческой об уродствах войны... Они помнят, а мы стали забывать...

— Обязательно, Виктор Петрович... Фильм-то я смотрел.

— Ну, картина-картиной... а эту книгу надо прочесть. Я там даже предисловие написал.

— Конечно, прочту... Спасибо, — я взглянул на вторую страницу и мельком пробежался по её содержанию... «Самые великие антивоенные книги написаны теми, кто познал войну в окопах, грубо, по-солдатски говоря, испытал её «на собственной шкуре». И всегда, во все времена неодолимо тянет на то место, где пролита его кровь и кровь его товарищей, словно бы хочет человек отмучиться навсегда последней мукой, испытать последние страдания там, где он страдал в войну, и успокоиться. Но никогда ещё, ни одному человеку достичь этого желания пока не удалось. Наоборот, память начинает терзать бывшего окопника с нарастающей болью и силой... Виктор Астафьев».

— Да, пока греется чай, у меня в комнате я тебе диск приготавливал — «Реквием» Верди, в Голландии взял. Запись хорошая, чистая, обязательно включи в спектакль...

— Хорошо, Виктор Петрович, большое спасибо.

В соседней комнате ещё в первый приезд в Овсянку мельком увидел я среди полок с книгами картины, размещённые по стенам уютного домика Астафьева. Пол же устилала огромная шкура медведя. На этот раз, не удержавшись, спросил:

— Какой красивый зверь!.. Вы же охотник — это не...

— Да нет, — засмеялся Виктор Петрович, — это уральский мишка... Дело в том, что друг моего сына устроил мне «мемориал» по местам расселения репрессированных. Я был вроде как в гостях... А там мишка повадился к ним. Ну, шляется... Давай коров царапать. Менты, что нас сопровождали, один выстрелил — бух! И всё... И привезли ко мне, и выбросили... Я говорю: вы чё, с ума сошли? Зачем он мне? Они говорят: здесь рядом лагерь, вот, мы его отдадим туда, они мясо съедят, а шкуру вам выделают. Я говорю: ну, если так, давайте... — Виктор Петрович рассмеялся снова и, перехватив мой взгляд на картины, сказал: — Вот эти три штуки свердловчанина Миши Самаева: мой дом на Вологодчине, это под Свердловском лосёнка написал, это — под Енисеем.

Он перешёл к следующей картине и как-то оживился.

— А это — мой первый дом здесь, я там лес насадил... Сейчас-то лес большой... Его позапрошлый год бичи сожгли, оставили какой-то огонь, и всё, за сорок пять минут, да... сгорел вместе с частью души моей, — добавил грустно Виктор Петрович. — Там мне работалось и жилось хорошо. Это там с Маней были лучшие годы нашей жизни. Ничего там не было — ни электричества, ничего... До пристани — полтора километра. Перекладными добирались: на теплоходе, потом — на электричке, потом — на трамвае... Там нам жилось очень хорошо, — он снова рассмеялся. — У меня там до двадцати штук собиралось ребят. Водки привезут, а хлеба не привезут! А у меня Марья Семеновна ростика небольшого, сам знаешь, мешок на плечо и в город за хлебом... Её так и звали: маленькая баба с большим мешком...

Писатель перевёл взгляд на другую картину и опять усмехнулся.

— А это — дача Бориса Назаровского, академика, сделанная из бани. Они дружили с Гайдаром, Бурлюком, Каменским... Мы у него в гостях были, а там колода с холодной водой, так с похмелья купались... Да...

Переключившись на следующие картины, он как-то сосредоточился.

— Это вологжанины — Генриетта и Николай Бурмагины. У них — галерея из семи картин, хотя были задуманы двенадцать. Вот одна у меня. Замечательные художники... К сожалению, Коля попал в автомобильную катастрофу, погиб. А она — тихая такая женщина, всё вообще-то и делала, он — больше организатор был. Без него она стала угасать и умерла... Это — Попов... Это — Андрюша Поздеев, пока ещё не выдрючивался. А это — хороший портрет Пушкина, я его очень люблю — Юры Селиверстова. Он сделал цикл портретов: Гоголя, Достоевского, Булгакова, Солженицына и многих... Пушкин — одна из первых его работ, а последняя — моя. Мой портрет есть в альбоме, но с выставки его украли, — он улыбнулся. — Кому я понадо-

— Да, Виктор Петрович, каждая картина — просто история.

— Да, уж, — проговорил Писатель, — пойдём чай пить.

Мы вернулись на кухню. После небольшой паузы я спросил его:

— Как вы отнеслись к фильму «Где-то гремит война»?

Он отхлебнул чай из бокала и как-то просто ответил:

— Мы с Артуром Войтецким всегда поддерживали хорошие отношения... Но, на мой взгляд, ни «Ненаглядный мой», ни «Где-то гремит война» у него не получились... — Виктор Петрович вдруг улыбнулся: — Когда снимали «Ненаглядный мой», в магазинчик тамошний чего только не напривозили — осетров напоевали, ситца, тряпок разных — всего... Только отсняли, а магазинчик на другой день сторел дотла. Во как! Глаз дьявольский... Так что Боже упаси!.. А меня даже пригласили сыграть чего-нибудь в этом фильме — где-то увидели, что я умею рассказывать...

— Вы не согласились?

— Куда там! Так одно дело — рассказывать, другое — играть...

Он удивительно рассказывал.

Потом немного помолчал и как-то тихо заговорил:

— Я очень рано попал в Игарку — город переселенцев, и мне очень многое объяснил этот город...

Правда до этого я учился по три года в каждом классе: с математикой-то дело хреново было. Вот по литературе, естествознанию, истории, географии — хорошо, даже отлично. Потом я попал в ФЗО, железнодорожное, между прочим. Кстати, в одно время с Андрюшей Поздеевым, знаменитым нашим художником, которому памятник уже в Красноярске поставили. Он в четвёртом выпуске, я — в первом. Эта была железнодорожная школа № 1, организованная ещё до революции; учились мы шесть месяцев при паровозном депо Красноярска, и в ней всегда был высокий конкурс. Много профессий там было: наладчики разные, котельщики, стрелочники. Я, к примеру, был составитель поездов...

Много моих сверстников полегло на фронте. Те же переселенцы, которые оказались у нас как враги народа. Как восемнадцать стукнуло — все на фронт. И защищали страну не хуже комиссаров, которые ели из отдельного котла и жили под четырьмя накатами, а те шли каждый раз в атаку...

А в это время в лагерях мучилось двенадцать с половиной миллионов человек. Другая половина не могла их видеть или не хотела видеть — это разные вещи. Например, вокруг Чусового всё было истыкано лагерями — в них входили и выходили люди, они же рассказывали, что там творится. Но было удобнее бегать со знамёнами, «пионерчиков» воспитывать...

Сейчас в этом отношении лучше... Вот у нас на правом берегу сосредоточена военная промышленность, она сейчас стоит наполовину, не работает, слава Богу, иначе бы город сдохся — астматики, лёгочники... Вот недавно по радио объявили, что, граждане-товарищи, на правом берегу случился выброс — закройте, пожалуйста, форточки, окна, не выпускайте детей на улицу и по возможности не выходите сами. Я уверяю: при Советской власти сдохло бы полгорода — никто бы ничего не сказал, а другая половина сделала бы вид, что не нюхали этого запаха и не видели ничего. А кто несёт ответственность? Никто. И только Бог всё видит...

А ведь ответственность в другом. Они наказаны беспкойным сном, неблагополучием в семье, ну и тому подобное... Вот, например, в Чусовом, где я долго жил и работал газетчиком, знаю, что все, кто сдёргивал верёвками кресты с церквей, издевался над иконами — кололи их на дрова, закрывали капусту, — всех их парализовало или они умерли не просто так... А умирал от рака секретарь горкома, сказали — покрестись, покайся — он покался, но поздно было... Кстати, бывший учитель физкультуры. Или кто занимался мародёрством, в частности в Германии, — то же самое. На моих глазах родственник Марии Семёновны в Ростове — белля там всякого немецкого напривозил, трусики и прочее — был при должности... так жена при родах умирает... И ведь этот крест несёт весь народ, и мы вместе со всеми. И долго

это будет продолжаться, пока не осудят то плохое, что было, и не покаются... Пока не вынесут наказание, пока не будут выпендриваться так называемые коммунисты и прочие и шило в задницу вставлять — ничего не произойдет, никакой перестройки. Ничего. Всё будет только тогда, когда произойдёт глубочайшее покаяние и вера в высшую силу — в Бога, Христа, как хотите называйте: у каждого Бог свой. У меня — свой. Не каждый день в церкви бываю, не часто, да и не нужно этого делать... Театр всё-таки — посредник между Богом и Землёй, он блестящий огонь, неаскетический. Я больше люблю скиты... вот у нас был скит в Дивногорске! На меня такой трепет это произвело, что аж снился этот скит...

Может, через двадцатое поколение воротится всё... Уйдём от чиновничества, раболепства, жополизма и прочего... Мы неисправимы уже, в нас «хомо советикус» сидит в крови, что даже кто духовно окреп как-то...

Вот я не был ни в комсомоле, ни в партии, а понуждаем был и на фронте, и в газетёнке... Кто-то зарился на пятьдесят рублей: жили страшно бедно... Я — не смог, так как видел в Игарке то, чего не могу забыть всю жизнь — вплоть до расстрелов и брошенных трупов на съедение песцам, потому что копать вечную мерзлоту некому, нужны рабочие на бирже.

Надо быть честным перед собой, исполнять свой долг, честно работать, добывать честно свой хлеб и учить ребятишек труду и уважению к природе. Ведь беда на нас надвигается ещё и потому, что мы повредили природу, даже сибирскую...

Миллиарды написаны величайших книг, а какая живопись, какая музыка. Ведь я давал своей душе всегда трудиться, много читал, слушал музыку — от балалайки до камерной — не давал себе опуститься до быдла... Посмотри, наши великие живописцы, поэты, художники, композиторы — им либо отрублены головы или убиты на дуэли, или ещё что-то происходило... Лермонтов — в двадцать семь, Гоголь — бог литературы, в сорок два, Пушкин — в тридцать семь!.. Что ж это такое?! Свалить трёх таких гигантов в любом государстве, даже в большом, — это обезглавить всю культуру... Сейчас таких гениев нет, довырубались...

Вот приехал я в Латвию, там поэт большой — Райнис: «Вей, ветерок, вей, ветерок...» Да у нас таких поэтов в каждой области штук пять, но средних...

Приучать — не знаю как... Я приучался сам... Сидел в детстве на крутящем телефоне — мачехе помогал. Мне попала книга тогда без начала и конца «Робинзон Крузо», которую я читал по слогам. И по этой же книге научился бегло читать, как псалтырь. Я недавно перечитывал эту книгу — перечитывается. «Остров Сокровищ» — перечитывается. Не перечитывается Купер, Майн Рид, Вальтер Скотт — это примитивная проза для ребятишек...

Виктор Петрович на самом деле удивительно рассказывал. Увлечённо. Просто. Глубоко. Как будто бы проживал свои воспоминания, и они, как «птица-тройка», заполняли пространство и завораживали собеседника той фантастической простотой, которая способна была перемещать тебя во времени и пространстве. Слушая его, иногда ловил себя на мысли, что, да, я сижу где-то в деревенской избе далеко в Сибири с совершенно обыкновенным земным человеком. Всё как будто очень обыденно, бытово... Но тут же, вздрагивая, я ощущал над нами, нет, конечно же над ним огромную вертикальную дыру в космос... В общем-то в этом нет ничего удивительного, ведь по большому счёту, как говорят, эти сущности обитают вместе...

Пришло время организации творческого процесса создания будущего спектакля. Пора было формировать постановочную группу.

Первым человеком, кому я открыл идею постановки спектакля по Виктору Астафьеву, был артист театра Анатолий Новосёлов. Этот талантливый, умный, болеющий и страждущий за настоящий психологический театр актёр был одержим творчеством Василия Шукшина, Валентина Распутина, Александра Вампилова и конечно же Виктора Астафьева. Толя не просто загорелся этой идеей, он действительно включился в осуществление проекта. И кто знает, если бы не его настойчивость, хватило бы у меня духу окончатель-

но взяться за постановку?! Этот выбор оказался настолько правильным, что спустя годы именно Анатолий Петрович, как я уже отмечал, вёл этот спектакль по жизни, сберегая его, делая замечания и проводя репетиции по вводам, конфликтуя с администрацией, доказывая право спектакля на существование, основным мотивом которого был зрительский к нему интерес. И то, что «Звездапад» продержался в репертуаре театра более десяти лет, заслуга во многом его. Конечно же именно Толя должен быть ассистентом режиссёра, о другой кандидатуре не могло идти речи. И с момента начала работы я все возникавшие вопросы решал совместно с ним.

Для решения сценического образа спектакля мы решили пригласить талантливого театрального художника Александра Кузнецова. Я видел многие спектакли, поставленные Сашей как художником, во многих играл, будучи актёром, более того, несколько спектаклей мы уже сделали вместе. Он всегда искал в материале сценический образ, и этот образ нёс масштабность, а порой монументальность, и в то же время в этом чувствовалась щемлящая трогательность и драматизм. Например, такие спектакли, как «Сирано де Бержерак» Э. Ростана в том же Красноярском ТЮЗе, «Легенда об Искремасе» Ю. Дунского, А. Митты, В. Фрида, «Терех... или каратэ?» С. Злотникова в Рязанском ТЮЗе или же «Хмель» по роману Н. Черкасова в Минусинском драматическом театре, за который он получил Государственную Премию РСФСР.

Я позвонил ему в Рязань и рассказал об идее сделать спектакль про войну по Виктору Астафьеву. Кузнецов не просто откликнулся на моё предложение, он сразу же загорелся, сообщив, что готов работать над подобным материалом на любых условиях. Кстати, Сергей Форостовский — главный художник ТЮЗа в ту пору, чтобы тоже участвовать в этом проекте, попросил меня дать ему возможность поработать над костюмами. Я, разумеется, согласился.

В театре вывесили распределение ролей в будущем спектакле.

Виктор Астафьев

ЗВЕЗДОПАД

Драматическая новелла в 2-х частях.

Действующие лица и исполнители:

Миша Ерофеев	— Сергей Тисленко
Лида	— Светлана Шикунова
	— Эмилия Шевчук
Смерть	— Светлана Кутушева
Мать Лиды	— Засл. арт. России Галина Елифантьева
Агния Власьевна	— Наталья Щуко
Пана	— Елена Пономарёва
Афоня Сидоров	— Александр Алексеев
	— Олег Кириченко
Матрёна, жена Афони	— Светлана Руденко
Старшина Шестопапов	— Засл. арт. России Юрий Щербаченко
Рюрик	— Анатолий Кобельков
Восточный человек	— Александр Бухонов
Попийвода	— Юрий Горяев
Няня	— Валентина Чурина
Больной в коридоре	— Александр Алексеев
	— Олег Кириченко

Я не могу не прокомментировать творческий состав спектакля.

Прошло достаточно времени, и это даёт мне право сказать то, что тогда, может быть, было не совсем уместным. Самое главное, я ни в ком не ошибся и всем им безумно благодарен за творческую отдачу и страстное желание «состояться» в этой работе. Конечно, были «трения» и «шероховатости» в процессе, но у кого их не бывает?

Серёжа Тисленко пришёл в театр за полгода до начала нашей работы вместе со своим другом Амиром Шакировым. Они потихоньку вливались в текущий репертуар, а

мы, соответственно, за ними наблюдали. Как ни странно, но не где-то, а именно в сказке «Красная Шапочка», где Сергей играл зайца, я вдруг увидел черты будущего героя астафьевской новеллы. По своей органике Серёжа очень непосредственный, доверительный, чувственный и восприимчивый, всё это присутствовало в нём на сцене. А характер, сможет ли он проявить характер, волю и твёрдость? На уровне интуиции мне показалось, что они у него присутствуют. Ну, мужик же, в конце концов! Значит, будем эту твёрдость воспитывать, на том мы с Анатолием Новосёловым и порешили.

Света Шикунова только что пришла в театр, окончив Новосибирское театральное училище, и как будто бы была единственной молодой актрисой на роль Лиды. Но, как оказалось, я просмотрел Милю Шевчук, которая в процессе работы подключилась к этой роли и вышла на премьеру. Актёрское самолюбие и опыт всё-таки часто помогают достойно пройти непростой творческий марафон, что со временем удалось и Свете Шикуновой.

Светлану Кутушеву я тоже взял в театр недавно. Её индивидуальность переполняла некая «острохарактерность». Свету настойчиво рекомендовала мне одна из её педагогов Лена Бубнова, намекая на её «взрывчатый темперамент». И мы решили с ней одолеть «Смерть».

Галина Елифантьева — одна из самых любимых мною актрис. Её тонкопсихологическая органика способна проникнуть в ткань любого характера и сделать его очень достоверным и трогательным. Её «мама», то есть мама Лиды, несёт груз непростой судьбы, хотя Виктор Петрович говорил и даже утверждал, что в «Звездопаде» ею движет обыкновенный материнский эгоизм и больше ничего.

Наталия Щуко — ещё одна моя любимая актриса. Вообще, я люблю актёров и актрис за их самоотверженность и преданность театру, за то, что они несут со сцены то бесценное и бесконечное чувство добра, а также нежности и любви, так необходимые сегодня. И это — Наташины качества. Агния Власьева в её исполнении, несмотря на строгость

характера главного врача, была человеком широкой и щедрой души.

Как и Пана Елены Пономарёвой, которая к тому же обрела настоящее чувство, встретив на дорогах войны близкого для себя человека.

Обаятельная и очень органичная Валентина Чурина не просто согревала теплом души своей раненых бойцов, в характере её «няни» было узнаваемое ворчание и юмор, за которыми скрывалась искренняя материнская любовь к тем ребятишкам, которые несли на своих плечах тяжёлый груз войны.

Исполнителей роли Афони Сидорова было двое — Александр Алексеев и Олег Кириченко. Саша обливался слезами, а Олег, наоборот, был очень сдержан в последнем своём свидании, возникавшем в его сознании в предсмертном бреду, с Матрёной и детьми. Оба самоотверженно терзали себя, добиваясь верного самочувствия, пытались вырваться из рук Смерти, боролись до последнего вздоха, но, как оказалось, силы были неравные... К большому сожалению, артист Александр Алексеев прожил недолгую жизнь. Светлой памяти, я благодарен ему за тот внутренний порыв, который он передавал в зрительный зал, пытаясь спасти своего героя — Афоню от Смерти.

Заслуженный артист России Юрий Щербаченко был яркой личностью, индивидуальностью в полном понимании этого слова. Придя в театр, он сразу же мощно вошёл в репертуар: Квакин в мюзикле замечательного композитора Алексея Чёрного «Тимур против Квакина», Сирано в «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, Кай в «Жестоких играх» А. Арбузова и многие другие роли, которые им были не просто сыграны, а по большому счёту созданы. К моему приходу в театр он переживал очень непростой период в жизни... Старшина Шестопалов для него в то время мог стать каким-то «возрожденческим» моментом в жизни и творчестве. И он на это надеялся, как, впрочем, и все мы. Работал он с удовольствием, его опытному Шестопалову были свойственны и требовательность, и юмор, и трепетность.

Это была его последняя роль... Не хватило поддержки и ответственности того, кого «приручил»... Светлая память, низкий поклон ему...

Когда в 1980 году я молодым артистом пришёл в Красноярский ТЮЗ, Светлана Руденко блистала в амплуа «травести» во многих спектаклях, среди которых, конечно, выделялась Женя в мюзикле «Тимур против Квакина». А сейчас, получив небольшую роль Матрёны, она пыталась вложить в этот образ уже весь свой взрослый опыт и мастерство — боль Матрёны за Афоню терзала душу и щемила сердце.

Рюрика играл Толя Кобельков. И поначалу очень осторожничал, входил в материал с оглядкой. Со своеобразной органикой. Безусловно, его Рюрик стал персонажем с непростым характером: немного скрытным, который нёс в себе груз боли от потери друзей и в то же время — боевой дух товарищества и жажду жизни.

Саша Бухонов играл Восточного человека. Характер свой он искал непросто: очень тянет при попытке найти зерно южного темперамента на стереотип — эмоция захлёстывает, и артист, как говорится, «бежит впереди паровоза». Да ещё и акцент! Александр балансировал на грани — в этом был свой актёрский кураж...

К Юрию Михайловичу Горяеву у меня особое отношение. Много связывало нас — и житие в общежитии, и вылазки на рыбалку, и ревностное отношение к профессии... Со взглядом изголодавшегося по творчеству человека всегда входил он в театр. Работал легко, азартно обнажал самую суть характера. И его жизнь была обрушена... Вечная память... Мартиролог не окончен...

Мало кто знает и понимает, что публичное обнажение души требует огромных внутренних затрат. И как же необходимо актёру, художнику, творцу, чтобы поняли и поддерживали бы в непростом труде его, не забывали, что он живой человек, что у него есть семья, и что он тоже нуждается в каком-то минимуме средств... Да, он не создаёт материальных благ, но его миссия на земле бесценна по сути своей,

ведь он врачует души... «Чернорабочие культуры» — называл их великий просветитель Дмитрий Лихачёв. Художник незащищён — помогите ему, в противном случае он погибнет, унеся с собой весь тот пласт культуры, что создавали предки, кинув напоследок, как Ван Гог: «Быть художником в наше время — дело пропащее...»

Лето пролетело быстро. Первоочередной задачей была организация дня рождения ТЮЗа. 7 декабря — юбилей — 35 лет! Художественным советом мы распределили обязанности по подготовке небольшой торжественной части, которая должна пройти на этом вечере следом за премьерой «Дамы-невидимки» П. Кальдерона (режиссёр Л.И. Федотенко). Из приглашённых гостей на юбилей театра согласились приехать режиссёры Александр Попов из Тулы и Кама Гинкас из Москвы. Но это в декабре...

А сейчас мне нужно провести несколько репетиций будущего спектакля «Звездопад». После чего я еду в Москву на сдачу кандидатских экзаменов в ВТУ им. Б.В. Щукина.

Виктор Петрович Астафьев в сентябре уже перебрался из Овсянки в Академгородок. Я позвонил ему по приезду из Москвы, и он охотно пригласил меня к себе. Дверь открыла Мария Семёновна. Она, приветливо улыбаясь, приняла принесённый торт и цветы. Я очень волновался перед этой встречей... Мария Семёновна, как рассказывали, была человеком настроения. Но мои опасения были напрасны: тёплый взгляд этой маленькой женщины сразу же расположил меня к домашней атмосфере.

Виктор Петрович потом рассказывал:

— Надо было, чтобы Бог послал мне мою Марью — и мамку, и жену... и лошадь и бык, и баба и мужик... И чтобы большой мешок с хлебом таскала, и отвечала за всех... Ругала часто: «Витя, чё ты делаешь?!» — она меня ни разу не называла по фамилии и Витькой! Она ненавидит баб, которые своих мужей называют по фамилии, я для неё всегда был — Витенька. В худшем случае она скажет: «Чё ты де-

лаешь, Витя?» У них семья была, девять человек рабочих. Отец семьи, Семён Агафоныч, сцепщик, он ни разу в жизни никого не обматерил, в жизни никого ни тронул пальцем. Для меня, как я сейчас понимаю, святой человек! А мать — маленькая такая женщина, но сильная: надо же было этих лбов ставить на ноги. И вот появился я, зятьёк, первый рыбак, первый охотник, первый матерщинник... Тёща как за голову схватится!.. Ну, пошёл поливать — дрова колоть — да не туда сучок раскалывается!.. А на покосе — сено плавили — пошёл... аж пыль идёт!.. А-а!.. Семён Агафоныч сигарку такую закурит, длинную, как флейту, и говорит:

— Витя...

— Чё?

— Ты хоть это, не думай хоть Господа трогать...

— Не, папа, — отвечаю, — не, я ещё на фронте отучился от этого.

— Ну, мотри, мотри, парень, а так-то ладно...

Добродушнейший, прекраснейший человек был... Разбойник, варнак — он меня звал. Ну, варнак и варнак...

Всё это и многое другое из своей нелёгкой жизни Мария Семёновна опишет в своих замечательных повестях «Отец» и «Знаки жизни».

Мы пили чай, и я рассказывал о планах театра. В частности о предварительной работе над «Звездопадом»: художественное оформление, музыкальный материал...

Мария Семёновна слушала очень внимательно. Потом вдруг неожиданно сказала:

— Сейчас много экспериментируют в кино и на театре... Только почему-то после этого от авторского текста мало чего остаётся. Я столько раз перепечатывала «Кражу», «Пастух и пастушку», «Звездопад», а Виктор Петрович столько выстрадал, когда писал, что, наверное, надо ставить то, что автор вкладывал в свои произведения.

— Я, Мария Семёновна, стараюсь работать именно так, как вы говорите. Другое дело — насколько это получится. Мы говорили об этом с Виктором Петровичем. Поэтому, с вашего позволения, я буду периодически обращаться к вам

в процессе работы, — я внутренне опять запаниковал. — Ваши произведения очень не просты для постановки на сцене, но мы будем стараться...

— Я бы сказал, они просты и в то же время не совсем просты по сути своей. Но они выстраданы и поэтому в творческом вымысле правдивы... Как, впрочем, проза Васи Белова, Жени Носова, Вали Распутина, Васи Шукшина... и ещё не очень многих писателей, — потом вдруг Виктор Петрович прищурился и с какой-то горькой иронией продолжил: — Кстати, о Васе Шукшине... Мы выжрали три бутылки коньяку на брата. Мне надо было в Горький на секретариат ехать — я позвонил, сказал: «Не поеду...» Толя Заболоцкий был, оператор Шукшина, сам Василий Макарыч... Вообще, он был очень интеллигентен, по натуре — молчун, слушать умел очень хорошо, как будто он участвовал в разговоре, только вставлял реплику... матерную иногда, да... Они с Марьей Семённой моей спелись: у этой сердчишко так себе, и у него неважно было. Он три кофейни оглоушит и курит беспрестанно. Я говорю: «Зараза, уж лучше бы ты пил, сдохнешь...» — «А, — отвечал он, — нас, сибиряков, ничего не возьмёт!» Вот тебе и не возьмёт... На съёмках следующего фильма дал дуба. Очень странно умер, подозрительно странно... То есть существует подозрение, что его умертвили, но я в это не очень верю. Что он сам себя довёл — это да. Бондарчук всё снимал естество у себя в фильме «Они сражались за Родину» — копают окопы в касках и так далее... Ну, милые мои, мы копали окопы тысячи километров — раздевались до пояса, а если никого рядом нет, то и до кальсон...

А жили артисты на дебаркадере, теплоходике старом. Сам режиссёр жил со своей сеньоритой на хуторе, на берегу. Ночью Шукшин ещё писал — ночами писал, трудился, и сердечный приступ. Я видел снимок: лежит он на коечке, когда ему плохо стало... А к этому времени всё руководство улетело, и доктор улетел: ну, натуре-то сняли... Генка зашёл к нему, то есть Бурков, звали они его так:

— Ты чё, — говорит, — Макарыч?

— Знаешь, — говорит, — рука левая немеет, и здесь чё-то плохо, — на сердце показал.

— Щас! — побежал, нашёл каплець каких-то. Тот говорит:

— Не помогает, Генка, чё-то.

— Щас найду валидол, — побежал к какой-то старой деве: она обязательно есть во всякой киногруппе. Достал валидол. Макарыч пососал немного валидолину, а она не надолго отпускает. Макарыч говорит:

— Иди, Генка. Чё ты будешь здесь торчать.

— Ладно, Макарыч, я потом забегу...

Ну, убежал Бурков, где-то дёрнул водки, керосинил же, потом свалился. А утром просыпается, там, кто был, спрашивает:

— Да где Васька-то?

А ему:

— Так у тебя надо спросить, ты ж ходил к нему.

— Ох, ё...

Тот побежал, пнул дверь ногой, а Макарыч уже лежит. Всё по-русски, всё по-нашенски...

Лежит Макарыч на левом боку (на левом! Так никто и не научил...), недососанная валидолина на подушке, сапоги, накрытые портянками, стоят... Всё... в этой маленькой каюте, значит...

А его уговорил Бондарчук сниматься, пообещав, что отдадут весь реквизит на «Степана Разина» с фильма «Юность Петра». Тогда ему разрешат снимать «Разина», потому что картина не должна превышать бюджет фильма «Война и мир» — пять миллионов. «Степан Разин» тянул на шесть миллионов, а минус один миллион за реквизит — тогда разрешат.

Вот такие дела. Я был на съезде книголюбов, ко мне подходят и говорят: «Ты знаешь, Шукшин умер...» Я говорю: «Вы охренели, что ли?! Он же полон сил, молодой!» Да, потом подтвердили, действительно. И тут же друзей у него много объявилось — я не люблю таких людей.

Про Лиду ничего не буду говорить... Маруся работает на телевидении, скрытная девка, а Катя — вылитый Шукшин.

Знаю, что такое съёмки. Я побывал на них, когда снимали фильмы по моим произведениям — с меня вот так хватило! Это очень другое искусство: оно массовое; оно зависит от солнца, от людей, от б...й, от какого... только не зависит!..

А тут я один — у меня вот тут чернила, тут бумага. Я сам с собой остался. Да зачем мне это? К чему это?

Как бы ни переполняли меня впечатления, я не мог больше злоупотреблять временем Писателя: чувствовалось, что Виктор Петрович несколько устал. Это было заметно и по беспокойному взгляду Марии Семёновны. Поблагодарив их за гостеприимство, я обещал по возвращении из Москвы сразу же позвонить и напомнить им о предстоящем юбилее театра. Перед прощанием, перебарывая волнение, я сказал:

— Виктор Петрович, на этой неделе делаю первую репетицию «Звздопада», благословите!

Он как-то удивлённо посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

— Давно пора, с Богом.

Накануне юбилея я встретил Каму Гинкаса и Александра Попова в аэропорту. Они прилетели одним самолётом. Были несколько возбуждены, так как одного и другого отделил не один десяток лет с того момента, когда они покинули город на Енисее. По дороге они расспрашивали буквально обо всём: о городе, о театре, об отношении властей к театру, о репертуаре, об актёрах, об общежитии... Было очевидно одно: ностальгические мотивы, связанные с их творческой деятельностью в Красноярском ТЮЗе, и, конечно, любопытство заставили К. Гинкаса и А. Попова откликнуться на моё предложение приехать на юбилей театра. И за это я и коллектив остались им очень благодарны.

В день юбилея театра, несмотря на массу организационных проблем, за два часа до его начала я поехал в Академгородок. Виктор Петрович был уже готов и в хорошем настроении. А вот Мария Семёновна отказалась ехать, сославшись на недомогание. Провожая нас, она напутствовала: «Слава,

при болячках Виктора Петровича ему нужно часто перекусывать что-нибудь, так что ты не забывай, корми его...» Эту фразу она будет говорить мне потом каждый раз, когда я буду увозить его либо на репетицию, либо на спектакль. Мне и на самом деле делать это было совсем не трудно...

В декабре в шесть часов вечера на улицах уже темно. Сверкающий снег и окутанные белизной сосны в Академгородке всколыхнули мои первые впечатления о Сибири — её красоте, мощи и нежности, о её широте, бесконечности и неповторимости... Вот мы миновали частные дома Николаевки, потом «хрущёвки» и «сталинки» района ГорДК, Копыловский мост... Ближе к центру Красноярск обретал свой неповторимый облик. Город был весь в огнях. На набережной красавец-Енисей отражал его во всём великолепии.

Я полюбил Красноярск сразу. В первый день приезда. В 1980 году. Его облик и атмосферу. С первого взгляда. Енисей и поднимающиеся за ним сопки захватили меня своей мощью, красотой, великолепием и очарованием. И даже этот длиннющий проспект имени газеты «Красноярский рабочий» на правом берегу, или по-простому «Красраб», был для меня в то время главной улицей жизни.

Виктор Петрович конечно же любил свой город. Но вот сейчас в машине, поглядывая за окно, поругивал власть за то, что где-то грязь, долгострой, а она — власть-то — не очень расторопна... Хотя, например, он был в хороших отношениях с Петром Ивановичем Пимашковым — главой города, который иногда присылал ему свою машину, чтобы Писателя привозили и увозили на какие-то очередные мероприятия. Вот, кстати, и перед юбилеем театра Виктор Петрович вдруг сказал мне: «Если у тебя не получится с машиной, для меня Петя Пимашков пришлёт». Но разве я мог это позволить?

— А вообще, я люблю Иркутск и Томск, — разговаривая в машине Виктор Петрович.

— А Москва? — спросил я.

— Ни Петербург, ни Москву — не люблю. Очень большие города — жопы у них не подтёрты... Новосибирск — несо-

бранный; Екатеринбург... ну, его Ельцин немного прибрал... А из всех городов, что я в мире видел, — это Мадрид. Чудный город и народ чудный — как на митинге: громкий и орёт. Кальдерона, говоришь, будем смотреть?

— Да, постановка Леонида Федотенко, потом поздравления и банкет...

— Кстати, самая великая книга о доброте человеческой — это «Дон Кихот». Доброту эту лупят палками, травят, чё только не делают, а она всё равно живуча...

А вот, например, шотландцы на нас похожи или мы на них — кое-где даже и обликом. Хотя мы тоже выродились — полукиргизы, полухохлы, полубелорусы... Всё у шотландцев обстоятельно делается, делово, тихо... Не то что Советская власть, что много судорог в истории нам сделала... А там хозяйка сидит во главе стола, суп стоит, а она чинно наливает всем поварёшкой; перед этим прочитает молитву... Мне так нравится, и я всё понимал у них: есть вещи, которые не нуждаются в переводе.

— А вот сейчас говорят, что мы когда-то уже были на этой Земле... Вам как-то близка Шотландия по духу или по каким-то ещё другим измерениям? — честно говоря, я не ожидал услышать ответ на этот вопрос, да и сам не понял, почему спросил про это. Виктор Петрович немного помолчал и ответил:

— Я не знаю — был я или не был, но, как ни странно, я ощущал себя где-то там, в тех странах... А произошёл я откуда-то из Исландии, из тех краёв. Я очень люблю Исландию... Много о ней перечитал, всегда мечтал быть, два раза меня даже включали в делегацию, но вместо меня ездил Михалков-старший: там он не был ещё. А меня в последний момент вычеркивали: из провинции, не секретарь Союза писателей. Меня вычеркнул — Михалкова вставят...

Удивительная страна. Я всегда мечтал там побывать. Триста тысяч населения, живут замечательно, чисто живут, без армии, без замков, по-человечески... Я там уже родился...

Машина подъехала к театру, шёл лёгкий снежок, фасад ТЮЗа ярко освещался как знак того, что скоро начнётся спектакль. Зритель спешил к главному его входу. Мы вышли из машины, я поддерживал Виктора Петровича за руку. В фойе, где уже громко звучали испанские мотивы, зрители, увидев Астафьева, удивлённо провожали его взглядами, здоровались.

«Да, — ещё раз подумал я, — нечастый гость Виктор Петрович сейчас у своих земляков... Писатель-затворник...»

Мы вошли в мой кабинет, где уже были К. Гинкас, А. Попов, Л. Федотенко, А. Суворов — директор театра, А. Кузнецов — художник спектакля «Звездапад», В. Ситникова — директор Театра оперы и балета. Все радостно приветствовали Писателя. Виктор Петрович поздоровался со всеми запросто. Я представил тех, кого он не знал или уже с течением времени подзабыл. Вера Степановна Ситникова не преминула напомнить Астафьеву о новом спектакле в Театре оперы и балета.

— Виктор Петрович, вы не забыли, через неделю у нас с вами премьера балета «Царь-рыба». Я машину пришлю.

Последовала всеобщая бурная реакция.

— Надо же, — видимо, не в первый раз усмехнулся и Астафьев, — «Царь-рыбу» пляшут.

— Виктор Петрович — бутерброды, чай, сок, — я поставил перед ним поднос с едой, вспомнив наказ Марии Семёновны.

— Вот, хорошо, — он начал жевать.

Разговор шёл на общие темы. А со вторым звонком я повёл его в зрительный зал. Настроение у него было хорошее. Выйдя в фойе, Виктор Петрович, держа меня за руку, вдруг чуть не вскрикнул.

— Смотри-ка, на полу мрамор!

— ДК постарался...

— Ты держи меня крепче, а то... ё... упаду... История простит — Мария Семёновна — не простит, — и простодушно засмеялся.

Спектакль получился громкий. Постоянный фон испанских мотивов несколько преобладал над действием. Потом

ещё предстояли поздравления... И я беспокоился, что тяжело это будет выдержать Виктору Петровичу.

Мы все волновались — я, Андрей Суворов, Леонид Федотенко — правильные ли шаги мы делаем?.. Но главное — мы их делали.

После спектакля Виктор Петрович засобирался домой. Я его уговорил остаться, сказав, что капустник с поздравлениями — максимум полчаса.

Поздравления земляков и «коллег по цеху» — Театра оперы и балета, Музыкальной комедии, Театра имени А.С. Пушкина, Театра кукол и других творческих коллективов проходили достаточно динамично: впереди же банкет.. Я не мог предвидеть одного. После мягкого и тёплого поздравления Александра Попова, который коротко вспомнил и поблагодарил за память красноярского зрителя и ТЮЗ, вышел Кама Гинкас, сел на авансцену и неожиданно подробно начал вспоминать тот творческий период, когда он и Генриетта Яновская возглавляли театр.

Он очень детально, порой эмоционально рассказывал о том непростом времени — начале 70-х годов, когда ему и Генриетте Наумовне приходилось бороться с представителями власти, утверждая репертуар, отстаивая спектакли, и при этом создавать «новый» творческий почерк театра. Гинкас говорил о замечательной атмосфере в театре, несмотря на драматические ситуации, а порой и жизненные трагедии. Как, например, он лично вынимал одного из артиста из петли... О том, как они собирались все вместе и давали отпор «кировской» шпане... Но, самое главное, они создавали замечательные спектакли: «451 градус по Фаренгейту» Р. Бредбери, «Кража» В. Астафьева (кстати, этот спектакль начинал ставить Лев Стукалов, Кама Миронович завершал его).

— А вы помните, Виктор Петрович, как мы с вами отмечали премьеру «Кражи»? — вдруг спросил Гинкас. Астафьев не ожидал этого вопроса и как-то тихо и неуверенно ответил: «Нет».

— Ну, как же, Виктор Петрович, — настаивал Кама Миронович, — где-то наверху, в буфете на столе развернули газету; была какая-то колбаса, которой мы закусывали водку... А её пили из гранёных стаканов?..

Не знаю, что двигало в ту минуту Виктором Петровичем, но он уже твёрже и лаконичнее ответил:

— Нет, не помню.

Кама Миронович поменял тему и стал рассказывать о своих творческих планах в Московском ТЮЗе... Как бы ни интересно говорил столичный режиссёр, но было очевидно, что его выступление несколько затягивалось — публика просто стала уставать, а ведь впереди — заключительная часть торжества — банкет... Тактичный зритель несколько раз пытался аплодировать, думая, что режиссёр заканчивает своё поздравление, но Кама Миронович, видимо, воспринимал аплодисменты как поддержку и с воодушевлением продолжал дальше своё выступление.

Но всё хорошее тоже когда-то заканчивается... После почти часового выступления Камы Гинкаса было ещё два-три поздравления официальных лиц, и к двадцати трём часам торжественная часть была закончена. Мои уговоры держаться на фуршет Астафьев отмел категорически:

— Нет, Слава, не останусь, не уговаривай, устал. Очень долго...

Я весь горел изнутри — не смог соблюсти регламент! Было досадно и стыдно... Всячески извиняясь, я проводил его до машины.

Не стану описывать последующие юбилейные дни, скажу только, что гостям — К. Гинкасу и А. Попову — мы оказали максимум внимания: от различных поездок по городу, на канатную дорогу и смотровую площадку на берегу Енисея до немногочисленных встреч с артистами и общественностью Красноярска.

В аэропорту Кама Миронович, протянув руку, сказал: «До свидания»; мне показалось, он ожидал от этой поездки чего-то большего. Да простит он мне, чего не ведаю, видит Бог, мы сделали всё, что смогли.

Александр Иосифович, прощаясь как-то серьёзно и пристально взглянул на меня, после чего пожал руку и произнёс: «Желаю вам мужества». И я почувствовал в этом поддержку, отлично понимая, что это качество мне с коллегами, совсем не помешает. Искренне поблагодарив мэтров-режиссёров за этот визит к нам и пожелав хорошего полёта, я возвращался в театр усталый и опустошённый...

Праздники закончились, и начались долгожданные будни. Часть актёров трудилась над новогодней сказкой. Я же с группой «Звездопада» вплотную продолжил работу над спектаклем.

Артисты включились в работу с неподдельным увлечением и азартом, причём все отлично понимали серьёзную ответственность, которая легла на нас. И самое главное — мы поверили в свои силы и друг в друга, и я бесконечно всем им благодарен за это. Огромную работу по созданию творческой атмосферы проводил Анатолий Петрович Новосёлов. Мы пытались разобраться в нюансах пьесы, простраивали сцены, придумывали неожиданные ходы поведения персонажей...

Молодые и неопытные Сергей Тисленко и Светлана Шикунова с большим трудом для себя складывали по крупицам отношения своих героев — Миши и Лиды. И на каком-то этапе Света внутренне, что называется, «застопорилась». К сожалению, такое происходит и особенно среди начинающих актёров, которые очень подвержены влиянию своих старших товарищей, а те, в свою очередь, где-то в кулуарах начинают советовать, как играть лучше и как себя вести с режиссёром, потому что последний не всегда, по их мнению, правильно режиссирует. В результате молодой артист перестаёт думать о перспективе роли, начинает нервничать и в конечном итоге теряет логику поведения действующего лица. И с какого-то момента Света стала подменять наработанное самочувствие механическим произнесением текста. Возник невроз. И, самое главное, мы не могли двигаться дальше.

Отчасти на это состояние Светланы ещё повлияла и творческая заявка на роль Лиды другой актрисы — Эмили Шевчук. Но я согласился на это с тем условием, что Миля пока входит в роль, вплотную будет репетировать и играть премьеру Света.

На каком-то этапе работа над спектаклем уже набирала ритм. Актриса Шикунова попросила дать ей несколько дней отдыха, предложив на это время репетировать роль Лиды Миле Шевчук. Я был в панике: мы во многом теряли атмосферу наработанного материала и движение по перспективе дальше. Впервые у меня внутри прошёл «провокационный холодок» — не начало ли это провала? Толя Новосёлов, который за словом в карман не полезет, молчал и тоже не знал, что предпринять. В какое-то время, придя в себя, я заявил молодой актрисе:

— Если вы уходите на короткий отдых, а я в это время репетирую с Шевчук, то после вашего выхода на работу вы с ней работаете только в пару...

Актриса сделала выбор, так оно и случилось. Я не хочу обнародовать симптомы «болезни», но говорю об этом потому, что судьба иногда с нами на самом деле играет «злые шутки»... Дело в том, что перед премьерой Виктор Петрович сделает выбор в пользу второй исполнительницы... Но это будет потом... А сейчас засучив рукава я стал работать с двумя героинями, в этой «лямке» оказался ещё и главный герой Миша — Серёжа Тисленко, который тоже стал приспособливаться к двум актрисам. С одной стороны, в театре — это нормальное явление, но тогда время работало не на меня...

Пятого марта была объявлена премьера.

А впереди зимние детские каникулы и текущий репертуар, который мы играем каждый день. Масса производственных и финансовых проблем...

И всё это безумно мешало творческому процессу.

Перед Новым годом я пошёл в Театр оперы и балета на премьеру спектакля Андрея Эшпая «Царь-рыба», на котором, конечно, присутствовали Виктор Петрович и Мария

Семёновна. В антракте они сидели в зале, я подошёл к ним и поздоровался. Виктор Петрович усмехнулся:

— Напугал ты меня «Дамой-невидимкой», напугал! — реплика прозвучала как приговор.

— Виктор Петрович, делаю «Звездопад» в другом ключе. И потом, я же обязательно приглашу вас на репетиции... Где-то через месяц... — с какой-то неожиданной для себя уверенностью ответил я.

— Ну-ну, — со свойственным ему прищуром улыбнулся Писатель. У меня внутри несколько отлегло, и я попытался перевести тему.

— Как балет?

— Вот сидим с Марьей Семёновной, смотрим... Танцуют и танцуют... Где там «Царь-рыба»? — он посмотрел на жену, та промолчала. — Вот и я не знаю. Ну и пусть танцуют...

Дали третий звонок, я попрощался, договорившись после Нового года им позвонить.

Бурно прошли для театра новогодние праздники: переполненные залы в дни зимних каникул — явление для нас привычное. В это жаркое для артистов время никаких репетиций в театре не проводилось. Более того, после окончания «новогодней кампании» актёрам дают дня три-четыре отдохнуть.

Мы возобновили репетиции в середине января. Проходили они уже на большой сцене, а не в репетиционном зале, что тоже требовало определённых усилий: надо было приспособиться, простроить отношения и сыграть в частности камерные сцены на большой сценической площадке.

Всё больше и больше погружаясь в глубину астафьевской прозы, мы зачаровывались мелодикой его языка, с головой уходили в атмосферу тех сложных событий, искали логику действий героев в лабиринте непростых человеческих отношений, пытались прочувствовать ту психологическую тонкость первых проявлений любви ещё юных Миши и Лиды, которых война и соединила, и разлучила.

Конечно, многое не получалось, но мы были упорны в своих поисках, что нас и объединяло. И, самое главное, мы были одержимы желанием воссоздать на сцене так полюбившихся нам астафьевских героев, которые стали частью нас самих.

Вскоре начали появляться декорации и костюмы. А музыка и свет дополняли ту атмосферу творчества, которая царила не только на сценической площадке, но и в целом во всём театре. Именно тогда я почувствовал тот «дух студийности», которым был наполнен Красноярский ТЮЗ в период своего зарождения и становления, и о котором так много говорили старожилы. Нам как будто помогали опорковцы из того времени шестидесятых, когда они делали с Валерием Галашиным, своим первым главным режиссёром, легендарный спектакль «Про нас». И наш астафьевский спектакль «Звездопад» тоже рождался нами «про нас» и про наше время.

В начале февраля я почти «сложил» спектакль «начерно» и позвонил Виктору Петровичу с просьбой встретиться и прояснить для себя несколько сцен. Он сказал, что неважно себя чувствует, и что ему надо отлежаться немного.

— Недельки через две позвони, там и решим, — ответил он мне.

— Дело в том, — не унимался я, — что пятого марта мы же спланировали премьеру, времени остаётся не так много.

— Ну, вот и посмотрим... давай числа пятнадцатого... позвони.

Конечно, мы на репетициях не просто отрабатывали уже найденное, каждый раз искали во взаимоотношениях героев новые нюансы, «повороты» в поведении, неожиданные грани сценических оценок, что во многом обогащало сами характеры. Не хочу лукавить, не все работали ровно... Кому-то помогал опыт, а кому-то его не хватало... Это выражалось в неуверенности внутренней либо, наоборот, в плюсе, жиме, наигрыше... Вот над этим мы с Толей Новосёловым и

артистами работали в это время. Конечно, я тоже испытывал гамму противоречивых чувств — от лёгкой паники до желания всё бросить и бежать куда-нибудь на край света... Но могу сказать с твёрдой уверенностью: никакой халтуры со стороны участников этого творческого процесса не было, работал коллектив сплочённо, азартно, с увлечением.

В середине месяца я позвонил Виктору Петровичу, и дня через три он изъявил желание прийти на репетицию. Узнав об этом, коллектив театра внутренне залихорадило, и в то же время в их глазах я прочитывал гордость, вызванную сопричастностью с творчеством своего великого земляка.

Как мог, перед первым рабочим прогоном, я пытался настроить артистов на обычную рядовую репетицию, то есть не давать, что называется, «сильной игры», а заниматься делом — в очередной раз попытаться проследить линию своей роли и продолжать распределяться в спектакле.

Когда мы вошли в зал, первое, что спросил меня Писатель:

— А где у тебя занавес?

— Я думал о нём; но два фактора заставили меня отказаться от занавеса: во-первых, он старый и зашарпанный, а во-вторых, мне кажется, зритель, войдя в зал и увидев в глубине сцены очертания поднятых ставок и контуры кроватей, сразу будет погружаться в атмосферу спектакля.

Он махнул рукой.

— Понял, мода сейчас такая... Пойдём, поближе сядем, чтоб я лучше видел и слышал...

«Ну, вот, для начала получил», — подбодрил я себя. Мы прошли где-то к третьему ряду и сели — Виктор Петрович впереди, я — позади, чуть левее, чтобы было легче общаться.

Сразу же после нас в зал вошли пришедшие на прогон, не занятые в спектакле артисты и другие работники театра и плотно расположились на задних рядах. «Хороший показатель творческого настроения коллектива, — успокаивал я себя. — Ну, ну... С Богом!..»

Погас свет, на заднике появились очертания звёздного неба, зазвучал «Реквием» Верди, и через какое-то время стали доноситься отдалённые взрывы, которые усиливались, заглушая поминальную музыку, уступая место новой эмоциональной волне — зал заполнила «Священная война»... С затиханием музыки высветилась палата в госпитале, и среди солдатских коек появилась темпераментная Светлана Кутушева, игравшая Смерть. Тут же палату окутала дымка — частый технический атрибут «сценической атмосферы»... Вдруг Астафьев, повернувшись ко мне, закричал на весь зал:

— Слава! Да убери ты этот дым к такой-то матери! Ну, везде его суют, где надо и не надо...

Меня как током стукнуло.

— Хорошо, Виктор Петрович...

— Ну, правда, ни к чему он здесь! — не унимался писатель...

— Уберу, Виктор Петрович.

Паника моя начинала расти, мысли прыгали, как при стихийном бедствии: «Так это он сейчас весь спектакль комментировать будет... Вон даже у Кутушевой чрезмерная нервозность прёт через пластику, а сейчас ведь говорить артисты начнут... вот игру давать будут!..» И краем глаза глянул на отреагировавших лёгким шумком на комментарий Автора сидевших сзади коллег... Я не чувствовал, я знал: они тоже переживают...

Первая сцена прошла быстро, она небольшая... А следующая, где основные герои Света (Лиди) и Серёжа (Мишка), несколько провисла. Буду откровенен: Света внутри запаниковала. Конечно, сказалось отсутствие опыта, девка-то она талантливая, но вдруг — затишила текст, подзажалась немного.

Виктор Петрович часто поворачивался ко мне и спрашивал:

— Чего сказала? Не понял, не слышу... — конечно, и даже если учесть, что в его возрасте слух, что называется, несовершенен, многие слова даже я едва угадывал. Серёжа Тис-

ленно же с первых фраз прямо-таки «вылезал из себя», старался сильно... И тут я испугался не на шутку: «Какой ты, к такой-то матери, режиссёр?! — завопил я внутри себя. — Какой тебе психологический театр?! Вон из этого учреждения! Артистов подставляешь по полной программе...»

Но вдруг, потихоньку Серёжка стал входить в колею действия, и спектакль задышал. Почему именно Серёжа? Потому что основная нагрузка лежала на нём, правда ещё и на Свете Шикуновой.

Автор очень оживился, когда увидел детей, с которыми выходила Матрёна — Светлана Руденко в сцене с Афоней. Он знал, что это дети артистов, но когда увидел среди них маленькую девочку, вдруг засмеялся своим заразительным смехом и воскликнул на весь зал, указывая на неё: «Ха-а-а, смотри-ка!.. Кольки Бухонова внучка!..» (Отец Саши Бухонова, который играл Восточного человека, — Николай Бухонов был артистом Красноярского театра им. А.С. Пушкина.) Забавный эпизод произошёл в конце первого акта, когда бойцы провожают Мишку на свидание, шутят, подсмеиваются над ним и поют под баян частушки. Виктор Петрович повернулся ко мне, засмеялся и сказал:

— Ну, придумал: у нас и баянов отродясь не было!.. — он как-то снисходительно засмеялся... Я промолчал.

На этом эпизоде закончился первый акт, и я объявил перерыв. Выполняя наказ Марии Семёновны — почаще подкармливать Виктора Петровича, мы отправились ко мне в кабинет.

Я не спрашивал Автора ни о чём, понимая, что по половине работы не судят, и свои впечатления он обязательно выскажет после репетиции. Но я отчётливо понимал, что артисты не просто переволновались. Я уверен, что с подобной психологической работой они давно не сталкивались, а некоторые и вовсе так не работали (конечно, в силу своей молодости). Поэтому первый акт прошёл очень неровно — прослеживались две тенденции: в мажорных сценах многие переигрывали, а в драматических кусках либо «перетишили», либо «переплакали». Я понимал: это результат того, что

артисты перестают действовать, что подразумевает недостаточную проработку материала режиссёром, а значит, в первую очередь мою вину.

В перерыве мы почти не говорили о спектакле, хотя меня подмывало задать провокационный вопрос... То, что он не испытывал восторга, — это-то я видел, но я видел и другое: он нисколько не был удручён нашим зрелищем, а это было для меня тогда главное. Писатель, пожёвывая бутерброды, мягко уже так заметил, что на самом деле никаких баянов у них не было и быть не могло. Я также мягко извинился, достал его повесть «Звездопад», полистал и показал Виктору Петровичу абзац: «На баяне играет Рюрик... Рюрик лежит пробитой щекой на деке баяна и выводит так, будто не в палате находится, а где-то на реке или на озере в закатный час и печалится вместе с угасающим днём.

*Злая буря шаланду качает,
Мать выходит и смотрит в окно.
И любовь, и слезу посылает
На защиту сына своего».²*

Писатель как-то неуверенно улыбнулся краешком губ и со свойственным ему прищуром произнёс:

— Ну, вишь, забыл... Когда писалось, разве всё упомянешь, чего пишешь...

— Ну, так я оставляю баян, Виктор Петрович? — не унился я.

— Так оставляй, — махнул рукой Писатель. — Однако пора вторую часть смотреть.

— Пойду, предупрежу артистов, и сразу начнём.

Когда я зашёл за кулисы, то, видимо, уже ждавшие меня актёры испытующе смотрели своими по-детски непосредственными синими и карими «брызгами». Я улыбнулся им в ответ, как мне показалось, не менее непосредственно и сказал: «Молодцы, хорошо. Немного перестарались, это от волнения — понятно... А в целом — держите... Так что в этом

² Астафьев В. Звездопад. Собр. соч. в 15 томах. Том 2. Красноярск, 1997. С. 203.

же духе, по делу работайте, не теряйте перспективы роли. А вы, мои хорошие, — обратился я к Серёже и Свете, — боритесь за свою любовь. С Богом!»

Вторая часть спектакля была практически о любви Миши и Лиды. К тому же быстро сменяющиеся события и неожиданный финал придавали действию определённую динамичность. Артисты, что называется, «разогрелись» в первом акте и во второй части были более свободны. Повторюсь: основная нагрузка лежала на Сергее и Светлане, и если Сергей «зацепил» своего Мишу в первом акте, и естественное развитие образа «пошло» во второй части в нужном русле, то со Светланой дело обстояло сложнее. Неровный первый акт в силу малого опыта не дал ей возможность набрать верный градус существования, поэтому в сценах с Мишей она была недостаточно убедительна. В какой-то степени это была и моя вина. Нужно было, наверно, искать другие подходы к роли вместе с ней. Но ещё, как показало время, ей необходимо всё-таки было пройти определённый отрезок времени жизни на сцене. Как это называется — практика, опыт и т.п., так как с течением времени эта роль всё же стала её, и я ей благодарен, что почти десять лет Светлана Шикунова, как и многие другие исполнители, бережно и с любовью несла по жизни этот спектакль.

Ну а сейчас, по окончании прогона, не сговариваясь, мы с Виктором Петровичем пригласили артистов в зрительный зал. Они спускались в зал уставшие, но одухотворённые, и каждый силился увидеть в наших глазах проблеск, ну, хотя бы удовлетворения, не говоря уже о чём-то большем... Актёры рассаживались напротив нас в партере, а цеха в том же ожидании сидели чуть сзади.

Виктор Петрович оглядел всех, бросая короткие фразы-комплименты в адрес актрис. Особенно, как после выяснится, приглянулась Светлана Кутушева в роли Смерти. Потом глянул на меня, и я тут же попросил Писателя сказать ВСЁ, что называется, без утайки.

— Ну, что я хочу сказать, — начал Виктор Петрович, — вы, конечно, сделали огромную работу... И спектакль ну-

жен этот не только как часть репертуара вашего театра... Он важен для репертуара города — ну, нет такого спектакля в городе!.. Конечно, я вижу, что постановка эта далась вам не просто... Скажу честно, лучший спектакль по этой пьесе был в Вологде, тогда ему дали Государственную премию, и режиссёр, Баранов, запил сразу... Ну, Славе это не грозит, я хочу сказать — запой... — труппа, до сих пор сидевшая в напряжении, при этих словах несколько оживилась. — А вот кое-что подработать надо. Это «кое-что» я ему по ходу говорил. Но самый главный, на мой взгляд, недочёт спектакля — это в двойных сценах неуверенность, а отсюда — недоработка молодых героев... Я бы посоветовал немного поработать ещё над этим. Если надо, даже перенести ненамного премьеру, и я уверен, что всё встанет на свои места...

Гораздо позднее я прочту изданный Геннадием Сапроновым — Иркутским издателем — сборник писем В.П. Астафьева «Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952-2001», где Писатель напишет В. Курбатову: «Мы потихоньку переехали зиму с солнцем, с искрами снега под солнцем, но вот «отпустило» и начался повальный грипп. Стараемся никуда не ходить, но вовсе сидеть дома невозможно, в магазин, на почту надо, а тут вот ТЮЗ наш затеял спектакль по «Звездопаду», 5 марта премьера, как тут в гущу народа не залезешь. Театрик слабый, был я на репетиции-прогоне, заскучал, но ладно — ребятишки нищие, старались, уважить нужно этаким, почти подвижническим, труд...»³

Да, скажу я сейчас, отстраняясь от субъективных воззрений и пристрастий, театр, мой любимый театр — Красноярский ТЮЗ в ту пору и не мог быть сильным. Достаточно сказать, что последние лет десять каждые два-три года менялись главные режиссёры, да и власти не жаловали театр своим вниманием. Здание разрушалось, как в прямом, так и переносном значении. Да, к примеру, мыслимо ли было, что в 2000 году в радиоцехе стояли магнитофоны с плёнкой,

³ Астафьев В. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952-2001. Иркутск. 2009. С. 663.

которую уже к тому времени перестали выпускать. И первый «СДюк» мы купили с заведующим радиоцехом Павлом Тараненко за свои деньги, как сейчас помню — пять тысяч рублей...

— Виктор Петрович, — я вступил в разговор, — безусловно, все переволновались... Не каждый же день мы соприкасаемся с таким непростым психологически тонким материалом, да ещё в вашем присутствии... Я нисколько не сомневаюсь, что за полмесяца или месяц репетиций мы будем выглядеть гораздо благополучнее, да и премьеру можем перенести: до Дня Победы почти три месяца... И всё-таки я не стал бы торопиться с подобным решением, а для следующего раза мы бы хотели, чтобы вы посмотрели другой состав, в частности — исполнителей Лиды и Афони, соответственно, Эмилию Шевчук и Олега Кириченко, где-то дней через пять-шесть...

Виктору Петровичу как-то взгрустнулось от моих слов; он был уверен, что нужно как минимум полмесяца гонять материал. Но снисходительно сказал:

— Ну, давай, посмотрим. И всё-таки я бы, Слава, не торопился...

То не наглость моя была — идти супротив Писателя, а ответственность за творческую группу, которая горела материалом не один месяц, дождавшись этой встречи с Автором, настроившись на премьеру, и вдруг эту премьеру отодвинуть? Да они просто перегорят. И, в конце концов, мы же не по наитию работали? Я же не переделаю в корне решение, а доработать, что-то уточнить, немного артистам успокоиться, и можно выходить на премьеру. Тем более что, как правило, постановка начинает обретать себя где-то к пятому-шестому спектаклю, и потом, ну, это же, правда, пока ещё процесс работы, а не результат.

Как раз, как бы в подтверждение моих мыслей, кажется, Юра Щербаченко задал Автору вопрос:

— Скажите, пожалуйста, Виктор Петрович, помимо доработок по каким-то актёрским линиям, которые, как мы

понимаем, вполне решаемы, само прочтение спектакля, то есть я хочу спросить: ушли ли мы в нашей работе от того, что вы закладывали в содержание вашей повести?

Виктор Петрович внимательно выслушал вопрос и вполне серьёзно ответил:

— Видите ли, может, вы меня не совсем поняли... История Миши и Лиды — это история моя, история моей юности... Она у вас прочитывается, только за некоторыми недоработками что-то теряется... Ну, вот я Славе говорил, к примеру, музыка не чисто играет, хрипит Верди-то; потом — дым попросил убрать: дышать же невозможно. Дальше — занавес хотелось бы, ведь тайна должна быть за ним... Чтob он открылся, и сразу зритель попал под впечатление неведомой ему атмосферы... Потом, не слышно некоторых артистов, и слова пропадают, вот кое-где Мишка торопится, а Лиду, правда, не слышу, особенно в первых сценах, когда зарождаются их отношения...

После этих слов Писателя некое оживление возникло среди артистов, многие из них почти расслабились и уже улыбались.

Почти целую неделю мы репетировали, не покладая рук, очень самоотверженно искала свою Лиду Миля Шевчук. Ей свойственна была скороговорка, и она зачастую, что называется, «летела впереди паровоза». В принципе, она была «в материале», и комплекс второго состава, удивительно, но никак не проявлялся. Деловой настрой на работу, поиск того воздуха взаимоотношений, отрешение от всего лишнего — принесли свои результаты — Серёжа и Миля задышали атмосферой Миши и Лиды. В первой части они с огромным желанием и интересом проявляли свои отношения друг к другу, опасаясь при этом перейти грань дозволенного, а во второй — доходили до озорного куража, переходившего в трогательность и непосредственность первых настоящих чувств, которые потом по-живому, во имя любви, рвал в финале Миша, обрекая их отношения на невосполнимость потерь.

Я привёз Виктора Петровича на репетицию ближе к концу февраля. Он был бодр, шутил, что во многом определи-

ло его настрой на спектакль. Не буду подробно описывать эту репетицию, скажу только, что у меня впервые защемило внутри, что на моих спектаклях со мной происходит редко. Ребята вышли на финал, а чтобы на него выйти, сведущему человеку доподлинно известно, нужно верно и правильно пройти весь путь от начала и до конца, и они его прошли. Открою один секрет: к тому времени Миля Шевчук не могла, и она это осознала, выйти на кульминацию потери Миши и в связи с этим на крик, на вопль души: «Пусть остановится война!» Всё это она, казалось бы, делала правильно, но, что называется, «на сухую». «Не могу, не умею я плакать на сцене или, как вы говорите, сдерживать слёзы. Чего сдерживать, если их нет?» — откровенно и с болью заявляла она. Признаться, случай и сейчас для меня редкостный. Обычно актрис «мёдом не корми — дай поплакать», а тут совершенно другой случай. Нет, как актриса она была наполнена на тот момент, и трогало тебя волнение её, её трепет и последний эмоциональный взрыв... Ну, как есть, так и есть — на том и порешили...

После прогона Виктор Петрович был немногословен и со свойственным ему прищуром заключил:

— Ну, вот это намного лучше. Правда, лучше. Поработали хорошо — видно это... Можно и премьеру играть... Хотя динамик по-прежнему хрипит, занавес так и не повесили...

Надо было видеть в этот момент сияющие лица артистов!.. Эти взрослые дети были счастливы от того, что оголённые их души горели не напрасно, что они через боль свою достучались до сердец чужих, и те воспылали верою, надеждою и любовью, ведомые Великим Словом Великого Мастера.

Мне всегда было больно, а особенно теперь, что этим незащищённым людям с распахнутой душой можно нанести рану, безнаказанно обидеть, унизить через их же ремесло; будто бы они находятся в услужении у кого-то, а актёры — только в услужении у Храма под названием Театр, и в этом их Миссия.

Премьеру мы подтвердили — играем пятого марта. Но оставалась ещё одна интрига. А как же без неё, это же театр...

До премьеры я объявил три генеральные репетиции, и когда мы с Виктором Петровичем уже последние выходили из зрительного зала, к нам подошла Миля Шевчук и попыталась задать вопрос по поводу завтрашней репетиции. Виктор Петрович перебил её.

— Как зовут-то тебя, дитя? — ласково спросил он её.

— Миля, — еле слышно ответила она. И Мастер тихо поцеловал её в голову. Девушка до того смутилась, что мне даже показалось, будто непривычные для неё слёзы заблестели на глазах.

— Миля, позвоните мне через пару часов, — сказал я, и она выскочила из зала...

Проводив Мастера домой в Академгородок, я вернулся в театр. Было уже поздно, когда раздался звонок Мили. Она извинилась и осторожно поинтересовалась завтрашней репетицией. То есть кто из них двоих будет играть Лиду.

— А разве ты не поняла, когда Виктор Петрович тебя поцеловал?

— Нет, не поняла, — неуверенно допытывала меня актриса.

— Премьеру будешь играть ты, Миля, готовься, — твёрдо сказал я и услышал на другом конце провода такой крик восторга, что если бы это было на сцене, многие сказали бы, что это просто наигрыш. А на самом деле это был эмоциональный выплеск, вызванный теми огромными усилиями воли, желания и стремления БЫТЬ, которые не могли не вызывать уважения.

На следующий день перед репетицией, когда я объявил, что премьеру будет играть Шевчук, со Светой Шикуновой чуть не случилась истерика.

— Теперь я поняла, что такое театр! — выкрикнула она и со слезами выбежала из зала...

Ох, как ранимы артисты! Как порой пытаешься найти слова, чтобы оберечь их... Но ведь что Слова? Часто приходится совершать поступки, делать выбор в ту или иную сто-

рону! И, как правило, они понимают умом целесообразность того или иного выбора, но эмоциональная природа их берёт верх, а отсюда и истерики, и нервные срывы, и инсульты, и инфаркты, случающиеся порой прямо на сцене во время спектакля. Да, театр в этом отношении жесток...

Светлана конечно же, как уже говорилось, будет играть Лиду, будет играть неплохо, постепенно набираясь опыта и мастерства; и я ей благодарен, что она пронесёт свою любовь к этому образу на протяжении непростых предстоящих десяти лет, в течение которых будет жить этот спектакль.

Ну а тогда начались непростые предпремьерные дни: необходимо было организовывать зрителя, а это значит, что нужно выписывать и рассылать приглашения по «табелю о рангах», начиная с губернатора и мэра города. Кстати, генерал Александр Иванович Лебедь и Пётр Иванович Пимашков — глава города — на премьеру не пришли. Пятое марта не очень удобное время для мужчин ходить по театрам: надо готовиться к празднованию Международного женского дня. Но не пришла на спектакль и начальник Комитета по культуре края Татьяна Алексеевна Давыденко...

И тем не менее мы очень рады были видеть многочисленных друзей и коллег своих из театров края: В.С. Ситникову, директора Театра оперы и балета, И.Я. Бейлина и А.Ю. Бельского — директора и главного режиссёра Театра драмы им. А.С. Пушкина, журналистов, писателей, композиторов и художников края, среди которых — С. Задереев, Э. Русаков, А. Шемряков, Н. Внукова и многие другие. Конечно же председатель СТД, Нар. арт. России В.А. Дьяконов, хотя у него была ещё и личная причина присутствовать на премьере: его молодая супруга Эмилия Шевчук играла главную роль.

Я был очень рад приезду на спектакль Геннадия Константиновича Сапронова — книжного издателя из Иркутска, с которым меня познакомил в день премьеры Виктор Петрович.

Особо дорогие для меня гости — это мои родные — мать жены и их родственники. Конечно же Мария Семёновна, а

также Витя и Полина, внуки Астафьевых, живших в то время у дедушки и бабушки.

Кстати, Витя и Полина, они и впоследствии приходили неоднократно на спектакль.

Сказать, что театр жил перед премьерой в особой волнительной атмосфере — значит не сказать ничего. Весь коллектив театра давно не испытывал такой творческой ответственности перед своими земляками, которая ложилась на нас в те дни. От этого все пребывали в творческом возбуждении и в предощущении праздника творчества, что для любого театра явление очень значимое, а порой и судьбоносное.

Я не очень помню «лихорадку», начавшуюся в театре с утра 5 марта. Много текущих дел, связанных с премьерой, не давали сосредоточиться на чём-то главном. Хотя репетицию в этот день я отменил, чтобы поберечь силы артистов к вечернему спектаклю, но ощущение недоделанности не покидало меня.

Я немного успокоился, когда сел в 15 часов в наш театральный автобус (Виктор Петрович просил взять с собой на спектакль кого-то из соседей — человека четыре или пять) и поехал за Астафьевыми. Ещё светило солнышко, то, весеннее, яркое, но совсем не тёплое, так как на дорогах никаких признаков слякоти не было, и люди на остановках прикрывались от ветра поднятыми воротниками пальто и шуб и с нетерпением смотрели в сторону прибывающих автобусов. Я смотрел на них и думал: «Какие порывы ветра мне ожидать сегодня и завтра в нашей непредсказуемой творческой стихии?» Каким я был наивным! Настоящие ветры и ураганы будут гораздо позже... И устоять при подобных порывах — этого очень мало, а вот идти при этом вперёд — потребует нечеловеческих затрат.

Виктора Петровича и Марию Семёновну я застал в приподнятом настроении. Они были почти готовы к отъезду: Мария Семёновна в ярком сером красивом платье с брошью, на голове симпатичная причёска с кудряшками; Виктор Петрович традиционно надел свой фрак, в котором он бывал на различных вечерах и встречах.

— Мария Семёновна, вы великолепно выглядите, — ответил я, наверное, от зажима дежурный комплимент.

— Уж постаралась, — парировала она, — не каждый день у нас с Виктором Петровичем премьера — всё-таки праздник.

— Мы тоже старались, — лицо моё залилось краскою...

Навстречу мне из соседней комнаты вышел приятный крепкий мужчина и симпатичная женщина.

— Познакомьтесь, — сказал Виктор Петрович, — Гена Сапронов, издатель из Иркутска, а вот эта женщина красивая — жена его Лена. На премьеру специально приехали...

— Очень приятно, — мы обменялись рукопожатием. Да, Лена действительно была красивая, с большими, очень выразительными глазами. Надо сказать, и у Геннадия Константиновича взгляд был такой внимательный, целеустремлённый и в то же время добрый и мягкий...

— Вот как-то, — несколько сожалея, сказал Геннадий, — не успел тираж новой книги Виктора Петровича «Весёлый солдат» напечатать к премьере, обещаюсь к 9 Мая всё доделать.

— Будет здорово, — несколько успокаивая его, ответил я.

— Ну, вот и хорошо, — засмеялась Мария Семёновна, заметив наше замешательство, — тогда поехали, а то уже, наверное, время... — в эту минуту прозвенел звонок в дверь.

— А это наши соседи... Ты на чём приехал, Слава? — спросил Виктор Петрович.

— Помню, что вы про гостей говорили, поэтому приехал на автобусе, — ответил я. От моего ответа он вдруг переменился в лице.

— Да как же... автобус... Я бы знал, так Петьке Пимашкову...

Меня как ошпарило: мне даже в голову не могло прийти, что Виктор Петрович мог допустить мысль, чтобы их сопровождали в театр рейсовым автобусом.

— Виктор Петрович! — воскликнул я. — Вы же сказали, что с вами будет ещё человек пять-семь, поэтому я ответил, что приеду на нашем театральном служебном автобусе... на нём и приехал.

— На своём, театральном? — как-то непосредственно переспросил Писатель и вдруг громко рассмеялся. Вслед за ним расхохотались все. Мы сели в автобус и через полчаса подъезжали к нашему Театру юного зрителя. Сумерки ещё не наступили, поэтому я увидел огромную толпу народу. Было более часа до начала спектакля, и зрителей пока не пускали. Автобус притормозил у центрального входа, а вездесущие телевизионщики были уже у его дверей. Виктора Петровича тут же окружили журналисты с камерами.

— Чего меня-то спрашивать, вот режиссёр — его и пытайте, — отмахнулся он.

— Что за ажиотаж? — посыпались вопросы. — Расскажите, что за спектакль?

Я, по ходу, кажется, ответил, что большого ажиотажа не вижу, спектакль сегодня играем по повести Виктора Петровича Астафьева «Звездапад», и всех милости просим на премьеру. Мы прошли через толпу зрителей, которые вежливо расступались, любезно пропуская Писателя, раскланиваясь и здороваясь с ним.

Когда мы вошли в кабинет, там уже оживлённо беседовали гости: Александр Кузнецов — художник спектакля, Сергей Задереев с женой Ириной, писатель Роман Солнцев, пьеса которого шла в нашем театре, Валерий Дьяконов, Вера Степановна Ситникова — директор Театра оперы и балета, Леонид Федотенко и кто-то ещё из гостей; а всех их вместе заботливо опекали директор театра Андрей Суворов и наш очаровательный секретарь — Наташа Горяева.

Виктора Петровича и Марию Семёновну все приветствовали очень шумно. Писатель сразу же представил Сапроновых, хотя Геннадия Константиновича многие знали. За чаем, кофе и бутербродами оживлённые разговоры проходили в каком-то приподнятом настроении: весёлые возгласы, смех и шутки не смолкали чуть ли не до начала спектакля. Мне даже в какой-то момент показалось, что мои гости забыли, зачем сюда пришли... Помню одно: всем им было хорошо вместе, как будто они не собирались таким составом очень

давно. «Интересно, как у них изменится настроение после спектакля?» — с ужасом думал я.

Со вторым звонком мы двинулись в зрительный зал. Виктор Петрович подхватил меня под руку, Мария Семёновна, кажется, шла с Геной Сапроновым... Боже мой! В фойе и в зале находилось огромное количество народу. Какое это счастье — видеть театр наполненным до отказа зрителем! Мы медленно двигались к первому ряду по центральному проходу, где облюбовал места Виктор Петрович, а впереди, уступая дорогу, улыбаясь своему земляку, здоровались с ним люди... Тут же щёлкали вспышки аппаратов фотоаппаратов, среди которых я увидел нашего бессменного корреспондента Анатолия Белоногова...

Мне сложно передать ту гамму чувств, которую я испытывал в тот момент: наверное, доминировало волнение за спектакль и та мера ответственности, которую я на себя взвалил... Да, это, без сомнения, был страх, самый настоящий страх... И пусть кинет в меня камень тот режиссёр, художник, артист, который не испытывал подобные ощущения в схожих обстоятельствах.

Рассадив гостей, я кинулся за кулисы к актёрам — они уже все стояли, сгрудившись у ступенек перед выходом на сцену. Что я мог сказать в эту минуту? Да что обычно и говорят — я сказал: «Вы всё можете... С Богом!» Мы как-то все вместе собрались в кружок, и помощник режиссёра пошла давать третий звонок...

Я стоял перед дверями зала верхнего фойе, когда зазвучали звуки бессмертного реквиема Верди, потом слышались отдалённые взрывы снарядов и бомб, которые нарастали всё больше и больше, и, наконец, все эти звуки перекрыла мощная волна «Священной войны» Александра Александрова и Василия Лебедева-Кумача. Я приоткрыл дверь в зал: на заднике отражался и сверкал Млечный путь... Казалось, зал «задышал» вместе с нами... «Паша Тараненко, — подумал я (наш звукорежиссёр), — хорошо вроде бы начал, — и тут же меня как будто стукнуло током: — Не проверил, кого он посадил в зал снимать спек-

такль на видео!» И, как оказалось, напрасно — о чём потом я буду очень сожалеть...

Ну а сейчас я спускался вниз к себе в кабинет, чтобы слушать спектакль по трансляции, не мог я в тот момент смотреть из зрительного зала, зная, что всё, что я видел на своих премьерах, большею частью надо переделывать... Это потом, когда я буду работать в Московском театре имени Н.В. Гоголя у Сергея Ивановича Яшина, дежуря на спектаклях и просматривая некоторые из них не один десяток раз, научусь понимать и различать те нюансы жизни спектакля, что и составляют ткань его, и над которыми надо работать, пока он живёт...

...А сейчас я ходил в своём кабинете и курил, слушая по трансляции, как через свои нервы, сердце и душу артисты пытаются по сути своей первый раз прожить этот непростой материал... И это так, ведь рождение спектакля происходит только со зрителем... Да, конечно, они «давили», от волнения пытались «выдать на гора» то, что ни разу не было проверено через того же зрителя, а особенно когда в зале автор...

Через несколько минут в кабинет вошёл Дьяконов — красный от волнения, в глазах некоторая растерянность и влажный блеск.

— Что случилось, Валерий Аркадьевич? — с не меньшим беспокойством спросил я.

— Не могу смотреть. Мне кажется, я больше волнуюсь, чем они...

— Понимаю — переживаете!..

— Не в этом дело... Они очень волнуются, от чего несколько «жмут», но этот «жим» дорогого стоит... потому, что изнутри ребята открыты...

— Мне тоже так показалось...

Я очень был благодарен Валерию Аркадьевичу за openness и участие, и таким образом мы дожили с ним до конца первого акта. Правда на сцену с Матрёной я всё-таки поднялся в ложу. Конечно, Саша Алексеев не просто купался, он утонул в слезах... Саша, Саша... Увела его Смерть со

сцены... И совсем скоро она уведёт его из жизни. Видимо, поэтому он отдавался ей по максимуму...

Когда в антракте на твоём спектакле к тебе подходят знакомые или приглашённые, как правило, они стараются ничего не говорить о просмотренном первом акте, так как отлично понимают, что о половине работы ничего не говорят в принципе... Но ты-то отлично понимаешь и более того — видишь или пытаешься угадать, под каким впечатлением находится твой собеседник. Сам же при этом нарочито стараешься говорить совершенно о другом.

Примерно то же самое происходило в антракте: шуму в фойе от разговоров о просмотренном было хоть отбавляй! Театр гудел, как муравейник... По лицам я прочитал, что в восторге от первого акта были Ира Задереева и дочка Полина, а Сергей сказал:

— Славка, просто здорово!.. Да, Виктор Петрович?

Мастер со свойственной ему мудростью и простотой ответил: «Что сейчас говорить, вот когда пойдёт «фэзэошник», тогда посмотрим...»

— Ладно, Витя, — вдруг сказала Мария Семёновна, — ребята очень стараются, конечно, волнуются, хорошо...

— Ну, от Марии Семёновны похвала дорогого стоит, — заметил Роман Солнцев.

— Да, да, спасибо, — закрывая тему, ответил я. — Пойду, кстати, схожу к ним. Извините...

Я вышел из кабинета, вынося с собой сдержанность В.С. Ситниковой, Лёни Федотенко, Петра Аникина, в ту пору заместителя Председателя Комитета по культуре края, и какой-то глубокий многозначительный взгляд Гены Сапронова... Толя Новосёлов шепнул мне: «Переволновались, а так — молодцы. Зал смотрел на одном дыхании...»

Глаза моих артистов, когда я появился за кулисами, устремились на меня... По большому счёту они ждали от меня поддержки — настоящей и искренней... Ты скажи им доброе слово, и они горы свернут!.. Но и здесь таится опасность: перехвалишь актёра — расслабится его природа, и

пойдёт он игру давать, только держись! И потом, когда они тоже видят нерв режиссёра, а мне невозможно было его тогда спрятать, их СОПРИЧАСТИЕ с постановщиком очень дорогого стоит. А то бывает, что артист начинает успокаивать режиссёра, дескать, не переживай, мы тебя вытащим... Во всём должно быть чувство меры... Хотя кто знает, где оно?.. Как это говорится: «Знал бы прикуп...» Точно знаю одно: артиста надо любить и понимать; мне кажется, театр, как и жизнь, научили меня этому. Когда-то, проходя военную службу в ВС СССР на Камчатке, я получил письмо со стихами, написанными замечательной актрисой ещё того Красноярского ТЮЗа Идой Роот, которые стали для меня эпиграфом к моим режиссёрским работам.

*Сквозь актёрскую призму
Видно, как в микроскоп,
Как порочен для жизни
Путь ошибок и проб.*

*При неверной задаче —
На подмостках — позор,
И актриса заплачет,
И озлится актёр.*

*При неверной задаче
В жизни — слёзы — рекой,
И трясут неудачи
Социальный покой.*

Спасибо ей за это...

— Вы молодцы, — сказал я артистам, — где-то переволновались, немного пережали, это вполне естественно... Не расслабляйтесь, боритесь за свою любовь... По восприятию, вы же слышите, что зал дышит вместе с вами, не теряйте ритма, всё по делу — у вас всё получится... С Богом!

Вот с таким напутствием мои артисты пошли на второй акт, а я побежал провожать гостей в зрительный зал.

Второй акт ребята начали достаточно живо. Да и события там стали разворачиваться стремительнее. А самое главное: первые чувства, неумелые попытки проявления их были очень близки молодому зрителю... И они поверили нам, и пошли за нами...

Я посмотрел сцену Миши с мамой — всё-таки Галина Вениаминовна перестрадала капельку, ну и ладно... Как проговаривал мне в напутствиях перед репетициями Виктор Петрович: «Ты не бойся подпустить «сентименту» в сценах, это ничего, наш народ любит «сентимент...» Так же как и артист, добавил бы я. И это не всегда бывает плохо...

Двойные сцены Миши и Лиды вызывали в зале хорошее оживление, а эпизод про корову Милку прошёл под аплодисменты... В результате ребята на финал вышли достаточно наполненными. В мёртвой тишине звучало: «Пусть остановится война!.. Пусть остановится война!..» А в это время Смерть уводила Мишу за собой... Последовала пауза, затемнение и... гром аплодисментов.

Артисты после поклона стали вызывать меня. Я вышел, поклонился, спустился в зрительный зал и вывел Виктора Петровича на сцену. Глаза его светились, и пусть бросят в меня камень те, кто считает, что он не принял спектакль. Когда я сказал ему на сцене: «Спасибо большое, Виктор Петрович!» — и поклонился, он воскликнул: «Слава, что ты!» — взял за руку, потом обнял и поцеловал... В это время Света Руденко вынесла на своих хрупких руках пятнадцать томов собрания сочинений В.П. Астафьева и прокричала сквозь продолжающиеся аплодисменты, что труппа и автор дарят это режиссёру, а затем прочла надпись Автора на первом томе:

«Славе Сорокину в память о работе над «Звездопадом» с поклоном и пожеланием многих дел и свершений в театре, а ещё здоровья, мира под крышей и покоя в душе. Храни тебя Бог!»

Я был потрясён таким бесценным подарком, поцеловал Свету и стал по очереди поздравлять артистов. Виктор Петрович уже с другой стороны так же обнимал каждого из

них... Я не помню, сколько времени это длилось, только артисты ещё «докланивались» на сцене, а мы с Виктором Петровичем уже выходили из-за кулис. Со всех сторон доносились возгласы: «Спасибо! С премьерой!»

Серёжа Задереев обнял меня и закричал: «Моя Полинка в восторге от твоего Тисленко! Я, честно говоря, не ожидал. Виктор Петрович, здорово! Поздравляю!»

Когда меня поцеловала Мария Семёновна, я чуть не заплакал: «Мне очень понравилось... И надо было назвать в программке не «драматическая новелла», а «драматическая баллада...»

Гена и Лена Сапроновы были растроганы, поздравили меня и сказали, что обязательно приедут к 9 Мая.

Отмечали премьеру в верхнем фойе. Много было говорено хороших слов, также много было высказано пожеланий, направленных на улучшение спектакля... Виктор Петрович особо попросил всех участников подписать афишу, которую собирался передать в библиотеку Овсянки.

— Пойдём по актёрам, — шепнул мне Астафьев, — и плесни мне ещё в рюмку коньяку...

И пока тосты сменялись за «головным» столом, мы с Виктором Петровичем обходили другие столики, где он находил слова благодарности и тёплые пожелания буквально каждому. Отчётливо помню восторженные глаза артистов, когда они слышали в свой адрес слова признательности, сказанные Писателем; у кого-то наворачивались слёзы, тут же возникали шутки, смех... Артист живёт успехом! И это был успех, пусть ещё раз в меня кинут камнем...

В конце месяца мы узнали, что местное театральное жюри присудило какую-то премию ко Дню Театра за роль Мишки в спектакле «Звездапад» Сергею Тисленко. Я позвонил в Красноярское отделение СТД и спросил: кто находится в этом жюри, и когда они смотрели спектакль. Мой вопрос их очень удивил, и, кажется, Люда Трофимова, работавшая у нас когда-то заведующей литературной частью, мягко ответила, что меня это не должно касаться...

Уже, по-моему, через спектакль на роль Шестопалова пришлось срочно вводиться Новосёлову Толе, вместо со-сраввшегося «на круги своя» Юры Щербаченко...

...Юрий Петрович не просто заболел: появившись у него в доме, я увидел, что называется, «живой труп»... Он сидел на кровати и, кажется, не сразу понял, кто пришёл. Узнав меня, он как-то внутренне сжался и попытался встать, но, совершенно исхудавший, с сильно выделявшимися костями через тонкую, как простыня, кожу, остался сидеть, только отвернул от меня голову, сдерживая подкатившиеся слёзы... Я приобнял его, сказав: ничего, выгребемся... А вот жене его Светлане, которая в это время что-то готовила на кухне и делала вид, что ничего не произошло, я высказал всё по полной программе. Юрий Петрович прошёл курс лечения в одной из лучших клиник Красноярска, но сил на большие актёрские работы у него уже не хватало.

С Виктором Петровичем мы договорились встретиться в апреле и вплотную заняться подготовкой к празднику Дня Победы, которому мы и посвятили «Звездопад». И вот, спустя какое-то время, я уже ехал к Астафьевым.

Хозяева встретили меня очень тепло. Мария Семёновна даже стала «налаживать» чай не на кухне, как обычно, а в большой комнате.

— После майских праздников поеду в Овсянку: там мне хорошо работается, а задумок много... — бросил Виктор Петрович. И вдруг неожиданно спросил: — Как ты думаешь проводить спектакль на праздники?

— Для начала мы разослали приглашительные в администрацию края, города и Кировского района. Основной зритель — это ветераны Судоремонтного завода, они территориально близко к нам находятся, и там у них достаточно много желающих, чуть ли не человек двести-триста. Просятся знакомые и друзья театра, но мы решили, что в первую очередь — ветераны. Перед спектаклем мы поздравим их, а после — в верхнем фойе «фронтвые» сто грамм: накроем столы, пообщаются, вспомнят военные годы, наши ребята и девушки споют военные песни...

— Ну, ничего... — согласился Писатель. — Обязательно сходи в Краевой Совет ветеранов — пригласи их, но только лично пригласи... и сходи сам, и сам поговори с ними... И также Петьке... Петру Ивановичу Пимашкову пригласительный отнеси...

— Хорошо, Виктор Петрович, завтра же займусь...

— Это важно, очень важно, — как-то между прочим добавил он. — Кстати, Гена Сапронов привезёт тираж моей новой книги «Весёлый солдат», можно будет подарить ветеранам...

— Просто здорово! — чуть не крикнул я.

— Как вашу жену зовут? — неожиданно спросила Мария Семёновна.

— Люся, — ответил я и вопросительно взглянул на хозяйку.

— Я сейчас книгу свою принесу, — пошла она в другую комнату.

— Ой, Мария Семёновна, спасибо огромное, — крикнул я вслед.

— Я не ощущаю своего влияния на то, что пишет Марья Семёновна, — вдруг сказал Виктор Петрович, — у неё бабья проза. Я всегда настаивал: будь бабой, ничего у тебя не вырастет на этом месте... В прозе оставайся бабой: это очень хорошо — быть женщиной в прозе. Я не люблю баб-прозаиков сегодняшних, поэтесс, которые рядятся в брюки, табачищем от них воняет, пишут стихи «под Маяковского»... Я люблю Ахматову, Тушнову, Аввакумову Марию... — потом он как-то задумался и добавил: — Вот тут она почитала последние мои рассказы, чего-то на рассказы потянуло меня... Марья Семёновна почитала и говорит: «Витя, блистательные рассказы!» И этого достаточно. Но это происходит редко-редко, редко... Иногда поправки карандашиком сделает сбоку левой рукой: она левша у меня... Я ей доверяю полностью...

Мне показалось, что он хотел сказать ещё что-то очень тёплое о ней, но в это время зашла Мария Семёновна и не без удовольствия вручила замечательное издание «Офсет»

Красноярска с зелёной толстой обложкой, на которой было написано: «Мария Корякина. Сколько лет, сколько зим». С трогательной статьёй Валентина Курбатова и не менее трогательной для нас надписью на титульном листе: «Люсе и Славе Сорокиным на добрую память и с нежной симпатией! Мария Астафьева».

— Это бесценный подарок, — сказал я, принимая книгу, — вы не представляете, как мы с Люсей благодарны вам, Мария Семёновна.

— Пейте чай, а то он стынет...

На следующий день мы с Андреем Суворовым, нашим директором-распорядителем, отправились в Краевой совет ветеранов. Председатель — Борис Григорьевич Чечев — высокий крепкий седоволосый старец, к нашему счастью, оказался на месте. Он встретил нас достаточно приветливо, хотя, как мне показалось, несколько растерялся, когда мы представились и вкратце рассказали о цели нашего визита.

— Вы знаете, ребята, мероприятия, связанные с праздником Победы, уже спланированы. Послушайте, — вдруг улыбнулся Борис Григорьевич, — я всё понял... Вам же нужны ветераны Красноярска... У нас этим занимается Городской совет ветеранов, сходите туда... Его председатель, Нина Михайловна Филиппова, очень приветливый человек, и, я думаю, вы всё там решите...

Мы с Андреем посмотрели друг на друга, поблагодарили Бориса Григорьевича и отправились в Городской совет ветеранов, который, благо, был рядом. Когда мы вошли в кабинет, Нина Михайловна с большим интересом посмотрела в нашу сторону.

— Я вас слушаю, молодые люди.

Мы представились и вкратце рассказали о цели нашего визита.

— Что? Спектакль по Астафьеву? — всплеснула руками Председатель. — Да он же войны не знает и написал то, чего не было!

— Не поняли, — чуть не в один голос сказали мы с Андреем, опешив и не зная, что возразить этой симпатичной женщине.

— А в последних произведениях он просто очернил войну. Те же «Прокляты и убиты»! — продолжала Нина Михайловна.

— Как же Виктор Петрович не знает войны: он же сам воевал? — я попытался мягко вклиниться в разговор.

— А так! — ещё больше заводилась Нина Михайловна. — Он был в окопах — откуда он мог её знать?

— А кто же тогда её знает? — моё любопытство переходило границы.

— Я! — так же чётко сказала Председатель. — Я сидела в штабе и всё знаю, всё видела! А что он мог знать в окопах?

— Железная логика, — сказал Суворов.

— Разве Астафьев, как и любой другой воевавший человек, не имеет права на свою точку зрения? Вот вы возьмите и напишите, как всё это было, — не сдавался я.

— Ну, ещё первые повести его ничего, а дальше... — махнула рукой Нина Михайловна.

— Вот одно из первых его произведений «Звездопад» мы и поставили на сцене как повесть о первой любви, опалённой войной...

— Вы знаете, — не дала договорить мне эта милая женщина, — мероприятия, связанные с праздником Победы, у нас уже спланированы. В частности городское заседание будет проходить в Театре оперы и балета 6 мая под председательством Петра Ивановича Пимашкова...

«Да, да, — вспомнил я наказ Виктора Петровича, — и Петьке... Петру Ивановичу пригласительный отнеси...»

— Простите, пожалуйста, Нина Михайловна, — попытался ещё раз разъяснить ситуацию я, — мы ничего не просим, мы всё уже подготовили: и спектакль, поставленный по повести Виктора Астафьева, и подарки, да и в целом вечер. Мы приглашаем к нам в этот день наших уважаемых победителей: ну, не все же идут в Большой концертный зал и Театр оперы и балета... Ветераны у вас на учёте, вы же всех

их знаете, им нужно только сообщить, ведь впереди почти месяц, разве это невозможно?

Нина Михайловна вдруг очень внимательно посмотрела на нас, достала какую-то бумажку и спокойно спросила:

— Где, когда и сколько?

— Театр юного зрителя, 8 Мая в 16 часов. Вот — сто пригласительных на два лица каждый. И вас мы обязательно приглашаем, — очень вежливо добавил я.

Мы поблагодарили председателя, она в свою очередь поблагодарила нас, и мы, как говорится, «расстались друзьями»...

Теперь мне нужно было передать пригласительный билет мэру Петру Ивановичу Пимашкову. И я должен был лично выполнить просьбу Писателя.

В будние дни к подобным людям попасть непросто, а уж в предпраздничной суете тем более. Но я узнал, что в канун праздников мэрия устраивает спортивный забег в районе «Стрелки», который будет возглавлять сам Пётр Иванович. Уточнив день и час, я пришёл и вручил лично запыхавшемуся от праздничного пробега главе города пригласительный билет на наш спектакль, личное поздравление и приглашение от Виктора Петровича Астафьева. Пётр Иванович, конечно, был ошарашен этим моим неожиданным «тактическим» ходом, поблагодарил, растерянно посмотрев в сторону двух своих стоявших в стороне то ли помощников, то ли охранников, которые опомнились, когда я уже пошёл обратно.

В апреле мы отыграли ещё три спектакля «Звездопад», я делал какие-то корректировки — артисты работали с удовольствием, и было видно, что спектакль растёт.

30 апреля отшумела поздняя Пасха, 1 мая — день рождения Писателя и «майские праздники», которые уже перестали быть праздниками в государственном масштабе, оставаясь при этом первыми сельскохозяйственными «трудовыми выходными», которые порой продолжаются до праздника Победы.

Накануне праздничного спектакля Геннадий Константинович Сапронов привёз в Красноярск, как мне показалось, почти весь тираж новой книги Писателя «Весёлый солдат». Виктор Петрович позвонил мне, чтобы я забрал несколько упаковок книг для подарков ветеранам и актёрам.

В театре было всё готово к проведению праздника Победы. Утром 8 мая уже ставились и накрывались столы в верхнем фойе. За два часа до начала спектакля Виктор Петрович, Мария Семёновна, Гена и Лена Сапроновы сидели уже у меня в кабинете. Планировали так, что, если кто-то придет из высоких гостей, перед спектаклем я обязательно как худрук театра поздравлю зрителей с Праздником Победы и дам слово нашему руководству...

Сложно передать горечь обиды, которую сдерживал в те несколько минут перед началом спектакля Виктор Петрович, да и вместе с ним мы, когда все вдруг поняли, что к нам на праздничный спектакль, несмотря на приглашение, не пришли никто из руководства и их заместителей ни края, ни города, ни района...

Как больно и досадно было, когда мы также поняли, что и из городского комитета ветеранов к нам не пришёл никто... А ведь мы отказали ветеранам нескольких правобережных организаций, пообещав, разумеется, что покажем им спектакль в следующий раз. В результате зал был заполнен зрителями на две трети.

Господи, прости нас, грешных! Не суди нас строго, ибо мы не ведаем, что творим! Не только об этой ситуации речь. Я долго думал потом и не один раз: почему мы любим переступать друг через друга? При этом отчётливо понимаем, что делаем что-то нехорошее, но всячески ищем оправдание своим неблагоприятным поступкам и ведь находим! Чаще всего находим! Вопреки всему! Вопреки обстоятельствам, вопреки здравому смыслу, вопреки совести своей... И потом несём за это кару Божию... Правда потом... А в момент действий своих неблагоприятных ЭГО наше приобретает космический характер, затмевает разум наш и толкает тем самым

нас в пропасть низменных поступков, где, не чураясь уже ничего, мы пляшем на костях близких своих, забыв про стыд, про срам, про всё... Доколе, Господи?

Бывали и будут, пожалуй, ещё не единожды такие моменты в моей жизни, когда я почувствовал себя никем, как это — вроде даже не ноль, а «около нуля». То есть я представил себе, что я приезжаю в театр, а мне говорят: «Вы здесь больше не работаете, до свидания!» Хотя чего удивляться: история много знает подобных случаев... Да не только отдельного человека, а целые театры уничтожали таким вот чьим-то волевым решением — МХАТ-2, Камерный театр, Театр им. Н.В. Гоголя... причины разные — почерк один... даже народы...

Да, непросто рождался спектакль, но какая его ждала сложная судьба аж все целых десять лет существования, что для любого спектакля срок приличный... Даже спустя годы, в 2009 году, член Союза журналистов Юрий Ростовцев не удостоил наш спектакль своим вниманием в перечне осуществлённых фильмов и театральных постановок по произведениям Виктора Петровича в написанной им книге об Астафьеве... А наш спектакль оказался последним, поставленным при его жизни, и Писатель относился к нему со свойственной ему теплотой... Более того, для всей творческой группы эта работа стала знаковой, она дала мощный толчок нашему пониманию творчества, такое «астафьевское ощущение жизненной правды», а это гораздо больше, чем просто память...

Перед самым началом я вышел на сцену, поздравил ветеранов с праздником, которому мы посвятили предлагаемую постановку, и на которой присутствует уважаемый и любимый Автор. А также пригласил всех ветеранов после окончания спектакля в верхнее фойе отметить этот день за праздничным столом.

Сыгранный в этот вечер «Звездопад» был не просто спектаклем, а самым настоящим шквалом актёрских и чело-

веческих страстей, истинных чувств и переживаний, которыми мои артисты щедро одаривали зрителя... Я ожидал творческого прорыва, но чтобы так, до конца открыто и откровенно каждый исполнитель отдавался своей роли, было для меня, честно говоря, большой неожиданностью. Все они настолько сработали в ансамбле, что я тогда понял, что мой Красноярский ТЮЗ на самом деле лучший в мире театр.

Я не обманулся в своих ощущениях относительно спектакля — это отметили и Виктор Петрович, и Мария Семёновна, а Гена Сапронов вдруг откровенно сказал:

— На премьере я был в напряжении, как мне показалось, от сильного волнения артистов; честно говоря, я боялся, что эта тенденция усугубится, но сегодня я увидел совершенно другой спектакль — искромётный, динамичный и в то же время очень трогательный... Спасибо тебе.

— Спасибо, Гена тебе за такие слова, а самое главное — спасибо Виктору Петровичу и актёрам!

После спектакля праздник продолжился наверху в фойе, мы поздравили дорогих ветеранов, они выпили свои «фронтовые сто грамм», закусили, наши артисты во главе с замечательной Галей Троегубовой пели любимые фронтовые песни, которые с удовольствием подхватывали наши гости.

Виктор Петрович тут же подписывал и дарил каждому свою новую книгу «Весёлый солдат».

А часа через два мы — Виктор Петрович, Мария Семёновна, Гена, Лена и я — в моём кабинете «по-домашнему» отмечали праздник.

Мария Семёновна села во главу стола и весь вечер задавала тон нашей вечеринке. Честное слово, я никогда не видел её такой — не просто весёлой, а одержимой таким куражом, что даже Виктор Петрович подивился её энергии.

— Ну, Марья, ты как будто вчера родилась, ишь как прёт из тебя... — Виктор Петрович сидел рядом со мной, а напротив Гена и Лена Сапроновы.

— Молчи, Витя, — не давала говорить ему супруга, — у нас сегодня праздник, и я хочу веселиться...

— Ну, ну, кто ж тебе не даёт...

И вдруг Мария Семёновна запела... Да так красиво, задорно и весело:

*Зашёл я в чудный кабачок,
Вино там стоит пятачок,
И вот сижу с бутылкой на окне.
Не плачь, милашка, обо мне...
Будь здорова, дорогая!
Я надолго уезжаю,
И когда вернусь — не знаю.
А пока — прощай!..
Прощай и друга не забудь.
Твой друг уходит в дальний путь.
К тебе я постараюсь завернуть
Как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь...
Будь здорова, дорогая! Я надолго уезжаю,
И когда вернусь — не знаю.
А пока — прощай!..*

— Браво! Потрясающе! Актриса! — все дружно аплодировали Марии Семёновне.

Да, в ней действительно жила актриса! С таким темпераментом она рассказывала о своей жизни, о друзьях, просто знакомых, где-то изредка обращаясь к мужу.

— Да, Витя? Помнишь, Витенька? Виктор Петрович, разве не так было?

А Виктор Петрович, с огромной любовью глядя на свою Марью и в свою очередь подхватывая разговор, со свойственным ему юмором продолжал тему, начатую ею. Я, Гена и Лена Сапроновы сидели как заворожённые: такими жизнерадостными мы никогда не видели ни Виктора Петровича, ни Марию Семёновну.

Вспоминали их 45-й год, когда они фактически стали мужем и женой, вспоминали Украину и Краснодар, Пермь и Чусовой, Вологодчину и Сибирь, а вместе с тем их однополчан, друзей по перу и искусству: Фёдора Абрамова, Николая Рубцова, Евгения Носова, Михаила Ульянова, Георгия

Жжёнова, Василия Шукшина, Валентина Распутина, Евгения Колобова, Валентина Курбатова, Романа Солнцева.

— А Роман смешной, — вдруг засмеялся Виктор Петрович, — живёт рядом в Академгородке, а чуть что — письма шлёт... Чудак-человек — позвони, а то и зайди, если надо что...

— Витя, Витя, подожди... А какое, ребята, он нам с Виктором Петровичем стихотворение написал к нашему совместному сорокалетию, — и Мария Семёновна стала читать стихи:

*Подумать только — вместе сорок!
Пройди-ка сквозь огонь, изволь,
Когда невеста — будто порох,
Когда жених — как будто соль.*

*Прошли, прошли по мёртвым странам,
Потом вернулись на свою
И сохранили, как ни странно,
Любовь у горя на краю.*

*Всю жизнь — она ломает круто:
Нет крыши, детям молока...
Но сохранили, как ни трудно,
Они и веру на века.*

*Пусть не идут шутя по водам —
Былым связистам вышла масть
Соединить народ с народом
И с совестью вот эту власть.*

*Подчас я слышу в океане
В эфире чёрном средь планет
Негромкий голос: «Маня, Маня!...»
И звонкий: «Витенька!» — в ответ.*

*Судьба Писателя в России
Всегда была, Господь, прости,*

*Попыткой, не сгибая выи,
Сойти на землю и взойти.*

*Там позади их тьма осталась
Болезней, гибельных ночей...
Но верная жена осталась —
И отступил седой Кощей.*

*Так пусть в снегах, в угрюмом быте
Нам будет радость и в пример
Их переключка: «Маня?.. Витя?..» —
Из ФРГ в СССР.*

*Вы в небе, гады, запишите
Магнитофонные слова:
Пока едины Маня — Витя —
Окститесь, милые, сперва.*

*Перо пока что держат руки,
И в сердце не слабеет свет.
И подрастают шумно внуки.
И смысла в распрях точно нет.*

А потом она с упоением читала наизусть Николая Рубцова, Фёдора Тютчева, Александра Дружининского, Виктора Полторацкого, Владимира Захарова...

Виктор Петрович тоже не выдержал и запел, запел ту песню, про которую написала в своей книге Мария Семёновна, когда в далёком 45-м, в лунную ночь на одном из первых свиданий на мосту через какую-то очень маленькую речку «...остановились посереёдке моста, облокотились на гибкие перила, и Витя вдруг запел, да так хорошо, так красиво, задушевно:

*Это было давно, лет пятнадцать назад,
Вёз я девушку трактом почтовым,
Бледнолица была, словно тополь, стройна
И покрыта платочком шелковым!..*

*Кони мчали нас вдаль, кони мчали нас в путь,
Словно мчала нечистая сила.
Попросила она, чтоб я песню ей спел.
Я запел, и она подхватила...*

Витя допел песню до конца, помолчал. Я легонько прижалась к его плечу, даже не к плечу, а к локтю — так будет точнее, потому что моё плечо до его плеча никогда не доставало. А вокруг тихо. Лунная дорожка то рябит, то скроется»⁴.

Я, наверное, до конца не понимал, что этот вечер останется для меня самым эмоциональным и тёплым моментом в истории моих отношений с Виктором Петровичем и Марией Семёновной... Да, он по большому счёту стал знаковым и кульминационным, несмотря на то, что перспектива наших творческих планов была определена и казалась мне вполне реальной ещё и потому, что наша первая общая творческая задача была решена и решена успешно... А между тем время уже начало отсчёт в другую сторону... Опять же, обстоятельства...

А обстоятельства на самом деле осложнялись, и их нужно было преодолевать. Они отчасти требовали решения по отношению к семье, да и по моим творческим и производственным делам возникли определённые существенные проблемы... Я до сих пор не могу ответить точно, что было приоритетным в моём решении уйти в тот момент из любимого театра. Решение это было для меня очень болезненным, и я всячески искал, видит Бог, либо пути отступления, либо тылы, либо возможность возврата, прекрасно понимая, что в одну и ту же воду не входят дважды... Мне была предложена стажировка в московском театре им Н.В. Гоголя у Народного артиста России Сергея Ивановича Яшина сроком на один год, казалось бы, с обязательным возвращением в Красноярский ТЮЗ. Но это только казалось, и я это понимал...

Я по-прежнему довольно часто навещал Виктора Петровича в Овсянке, куда по настоятельной просьбе Марии

⁴ Корякина М. Сколько лет, сколько зим. Красноярск, 2000. С. 93.

Семёновны, которая летом жила в Академгородке, должен был привозить «для Вити отруби», а он в свою очередь с появлением на базаре клубники очень просил привезти эту ягоду в Академгородок «для Мани... уж очень она любит её со сливками», что я делал без труда и с удовольствием.

Однажды я приехал к Виктору Петровичу с сыном Арсением. Писатель, увидев его, по-детски рассмеялся и воскликнул:

— Ой, какое русское лицо!.. — Арсений в ту пору был действительно белёсый, с ясными широко открытыми голубыми глазами... Я хотел сказать Виктору Петровичу о моей предстоящей стажировке в Москве, но не нашёл сил сделать это...

Мы сидели за столом, пили коньяк; вернее, пил я, а Виктор Петрович, как обычно, после двух рюмочек говорил: «Стоп! Наливай себе...» — и одаривал меня своим мастерством рассказчика, чей талантище простирается над миром, и под магией которого я находился в подобные минуты. В тот раз он заговорил про Хемингуэя:

— Хемингуэй на русский манер — посредственный писатель. Я к нему равнодушен. Просто модный стал у нас одно время. У него совершенно отсутствует логика: ну, он часто писал в кабаке, в кабаке можно так написать...

Русская проза тяжёлая, я имею в виду «путных» писателей. Подтягиваться до их уровня очень тяжело. И тяжела она, прежде всего, логикой...

Вот, например, у Хемингуэя где-то в Париже, в каком-то романе, герой девку «прилюбанил». А на следующий день он уже обнимает в Лугано, в палате другую... В русской литературе так не пойдёт! Надо описать, как ты из Парижа в Лугано ехал, какая погода была, как занавески в вагоне шевелил ветер, какой запах с полей доносил. А иногда дым от трубы паровоза, как стучали колёса, каким образом облако по небу ползло окаянное... Каким образом девушка прошла, которую ты не видел, но ощутил движение её платья, волшебный запах парижских духов, который исходил от неё...

...Я так сожалею, что почти не записывал его рассуждения, рассказы, оценки виденного и пережитого, наблюдения и советы... Тогда, наверное, книга эта имела бы несколько иной характер...

В этот раз я так и не сказал Виктору Петровичу о наметавшихся у меня переменах. Когда мы уже засобирались домой, он подписал и подарил сыну Арсению книгу «Весёлый солдат», на что тот отреагировал по-своему: «У меня есть старший брат Иван, а можно ему тоже книгу подписать».

— Ишь ты... — улыбнулся Писатель, достал ещё один экземпляр, на котором написал: *«Ивану Сорокину от старого солдата с поклоном из Сибири. В. Астафьев»*.

Мне совсем не хотелось уезжать...

В очередной раз приехав к Виктору Петровичу, я всё-таки выложил ему наконец ряд проблем, которые у меня возникли, как по работе, так и связанные с семьёй...

— Виктор Петрович, — я старался говорить как можно спокойнее, хотя внутри всё тряслось и почему-то хотелось плакать, — мне нужно уехать на год...

Он поднял на меня глаза и как-то очень внимательно посмотрел, как бы спрашивая — не ослышался ли?

— Мне нужен год, — продолжал я, — начальник управления культуры с пониманием отнеслась к моим проблемам, поэтому после прохождения стажировки и к концу следующего сезона вернусь к своим делам... — скорее я успокаивал больше себя.

— Жаль, — очень просто ответил Виктор Петрович, и в его взгляде с прищуром была написана простая истина, что дважды в одну и ту же реку не входят и свято место пусто не бывает, — очень жаль, Слава, — повторил Мастер. И я понял, какую огромную ошибку я совершаю... Но шаг сделан, а за ним обратной дороги, как говорят, нет. Мы о многом говорили ещё в этот день с Виктором Петровичем, но, по сути, прощались.

До моего отъезда, а я уезжал из Красноярска в конце июля, в Овсянку к Виктору Петровичу мне удалось приехать ещё

раза три и пару раз к Марии Семёновне, которая по большому счёту поняла и приняла моё положение и решение. Наши непродолжительные беседы с Виктором Петровичем носили, как обычно, неформальный характер, и самое главное — никакого намёка по поводу моих перемен не звучало. Как бы — впереди у меня небольшая командировка — вот и всё. А внутри, несмотря ни на что, словно всё обрывалось...

Из последних встреч запомнились некоторые размышления его о себе и о своём творчестве.

— Я по большому счёту стал равнодушно относиться к тому, что сделал. Но есть вещи, которые к сердцу прилегли: несколько глав из «Последнего поклона», «Ода русскому огороду» и «Пастух и пастушка»... Я иногда даже могу заглянуть в них, какая-то тоска как случится... Ну, как с ребятишками! Вот сын у меня живёт в Вологде, хочется с ним повидаться, с внуком... Откроешь — иногда удивишься: а ничё парень писал! Стыдиться нечего...

Люблю смотреть ледоход. У меня рассказ есть «Предчувствие ледохода», небольшой рассказ, но я долго над ним работал...

«Идёт Енисей уже буднично, привычно несёт редеющий сонный лёд. Нигде, ни в каком месте к реке не подойти, не подъехать. Он отгорожен с двух берегов брустверами льда. Надо бы мужикам брать пешни, кайла, лопаты и пробивать из грязного переулка ход во льду, но, повторяю, той весной Пасха почти состыковывалась с майскими праздниками, гробовозы гуляли, как перед концом света.

Добро, кто навозил заранее воды, налил бочки и кадки, но кто прогулял, проленился? В ручьях и речках, всё ещё дурью полных, вода мутная, глиняная — она лишь для бани, для стирки, для скота годится, но самовар ставить, стряпать, варить?..»⁵

«В просквозённой добротой и теплом груди мальчика шевельнулась и обмерла нежность напополам с жало-

⁵ Астафьев В. Последний поклон. Собр. соч. в 15 томах. Т.5. Красноярск, 1997. С.21.

стью, захотелось ему кого-нибудь обнять, стиснуть, сказать что-нибудь хорошее. И ещё вот ведь оказия какая! — заплакать приспело. Обхватить руками Пирата, нет, всё обнять, что шевелится, светится, поёт, свистит, растёт, цветёт, стрекочет, шумит, звенит, плещется, пляшет, бушует, смеётся, — прижаться ко всему этому лицом и заплакать, заплакать!...»⁶

Время неумолимо к нам. В начале лета следующего года у Виктора Петровича случился инсульт. Когда я приехал в Красноярск на постановку спектакля по пьесе М. Мейо и М. Эннекена «Моя жена лгунья», Писателя выписали из больницы; он был уже дома, но очень слаб... Сергей Задеревев сказал, что Мария Семёновна почти никого не пускает к нему — не хочет, чтобы он лишний раз волновался... Я, конечно, беспокоился, что верная супруга его не разрешит мне с ним повстречаться, поэтому несколько дней не звонил.

А тут ещё произошла очень некрасивая история, связанная с ним и Законодательным собранием Красноярского края. Не помню кто, но перед народными избранниками поставили вопрос: в связи с болезнью писателей Виктора Астафьева и Анатолия Чмыхало добавить им к пенсии по две тысячи рублей ежемесячно... Удивительно, но депутаты большинством голосов проголосовали против... Законодательная власть от народа, видимо, решила, что у великих писателей достаточно «великие» деньги и нечего помогать им средствами из бюджета, даже и во время болезни... Как бы то ни было, но весь город оценивал этот факт с нескрываемым сарказмом.

Я позвонил Марии Семёновне. Она сказала, что Виктор Петрович, конечно, очень слаб, но если ненадолго, то я могу приехать. Условившись на следующий день, набрав с собой фруктов и цветов, я появился у Астафьевых... Мария Семёновна встретила меня приветливо... Сказала, что он потихонечку, слава Богу, приходит в себя...

⁶ Астафьев В. Ода русскому огороду. Собр. соч. в 15 томах. Т.8. Красноярск, 1997. С.54.

— Ты, Слава, сам больше говори, чтобы он меньше сил тратил, — напутствовала она меня. — О том, что вокруг происходит, — тоже сильно не распространяйся, да, и особенно про наши власти, что отказали в помощи, не говори, мы ведь ему этих газет не даём... Ой, знаешь, еле выдюжили...

— Хорошо, Мария Семёновна, я всё понял.

Она открыла дверь в большую комнату.

— Витя, Слава Сорокин приехал, — я вошел, и хозяйка закрыла за мною дверь.

Виктор Петрович лежал на кровати. Он сильно похудел и был очень бледный. Рядом с кроватью стоял стул, на котором лежали пара журналов и какая-то книга. В потолок была вмонтирована то ли крепкая верёвка, то ли трос, на конце которого крепилась ручка, посредством чего больной мог садиться в кровати. Мне показалось, что, судя по виду, ему совсем будет трудно говорить. Я поздоровался.

— Ты вишь, как меня е...о, — вдруг неожиданно вскрикнул он бодрым голосом, — аж пятнадцать килограмм к такой-то матери, ага... бери вон стул, садись рядом...

— А вообще, я смотрю, вы бодрячком, Виктор Петрович, — ответил я, подсаживаясь к нему. Мы пожали друг другу руки.

— Ты, знаешь, о чём я мечтал в этой... там больнице?

Я вопросительно посмотрел на него.

— Об уборной, о своей уборной! Думаю, как выберусь оттуда, сяду и целый день просижу, честное слово! А так, конечно, тяжело, очень тяжело было... — он как-то негромко рассмеялся.

В это время нервный тик передёрнул его тело.

— Вот, видишь, ещё дёргает меня немного...

— Слава Богу, проходит же болезнь, Виктор Петрович, — я старался говорить с Мастером так, как будто болезнь на самом деле осталась практически позади, а впереди много планов... и я верил в это... И мне казалось, что Виктор Петрович видит, что я верю, и что мои слова были сказаны вовсе не для успокоения...

— Дай руку, сяду — устал лежать...

Я помог ему приподняться, и он сел на кровати.

— Ну, рассказывай, — как-то совсем просто сказал Виктор Петрович.

— Во-первых, я очень рад вас видеть после большого перерыва, впереди у меня много планов, и я очень хотел бы посоветоваться с вами...

— Валяй, для того и приехал, — усмехнулся Писатель.

— И для этого тоже, — попытался улыбнуться я. — Во-вторых, спектакль наш, «Звездопад», успешно выдержал этот сезон. Анатолий Новосёлов очень бережно за ним следит... — я также рассказал ему историю о продлении моей стажировки и про ситуацию в ТЮЗе, именно о том, что Комитет по культуре объявил конкурс на замещение должности художественного руководителя. Я высказал предположение, что конкурс этот носит чисто формальный характер, так как информации о нём практически нет нигде. Поэтому, скорее всего, утвердят теперешнего временно исполняющего обязанности худрука... Но это на самом деле не важно... Все свои разговоры я вёл к одному: — Виктор Петрович, я хочу делать спектакль «Пастух и пастушка», — Писатель вопросительно посмотрел на меня. — Вы когда-то сказали, что мы вернёмся к этому разговору...

— Но не сейчас, чего мы с тобой теперь решать-то будем, — он посмотрел на меня как-то очень жалостливо.

— Конечно, не сейчас, — воскликнул я, и, как мне показалось, обрадовал Мастера. — Я вообще сейчас закрываю этот вопрос — просто прошу одного: с вашего разрешения я напишу сценическую версию и покажу вам. Ну а вы или утвердите её, или нет...

— Ладно, хорошо, там посмотрим, — несмотря на слабость, попытался успокоить меня Виктор Петрович. Мария Семёновна принесла чай. Очень скоро мы выпили его, и, понимая, что Виктору Петровичу нужно отдыхать, я отключился, договорившись перед отъездом забежать к ним проститься, буквально на пару минут...

Время, отведённое на постановку, пробежало быстро. За два дня до сдачи спектакля я позвонил Астафьевым, после чего приехал проститься.

Эта была последняя встреча.

Она была короткой: Виктор Петрович чувствовал себя не очень хорошо. В те несколько минут прощания с Мастером я опять говорил о наших планах, сожалел о своих необдуманных шагах, когда покидал Сибирь, о том, что не использовал в должной мере тот шанс, который мне даровал Господь... Виктор Петрович смотрел на меня очень по-тёплову, мне даже показалось в какой-то момент, что сквозь эту теплоту смотрит на меня та глубокая человеческая грусть прощания с жизнью... У меня даже подкатил комок к горлу...

— Виктор Петрович, я, честное слово, приеду... у вас же много впереди работы... Вы не расслабляйтесь...

— Да, да, конечно, — вдруг ответил он очень серьёзно, — в конце лета — начале осени я планирую большую литературную встречу, круглый стол или даже конференцию на базе нашей библиотеки в Овсянке... Приедут много людей известных и заинтересованных... Надо жить...

Нервный тик прошёлся по его телу.

Вошла Мария Семёновна: «Витя, лекарства...»

— Я вам кланяюсь... — вырвалось у меня.

Виктор Петрович протянул руку на прощание, я наклонился и поцеловал её... Мастер посмотрел на меня так же тепло и грустно и попытался улыбнуться краешком губ.

Да, эта встреча оказалась последней...

29 ноября 2001 года после дневной репетиции я прибежал к себе в общежитие на Белорусской в Москве, чтобы, перекусив наскоро, успеть на вечерний спектакль. У меня была включена радиоточка, по которой я и услышал о кончине Виктора Петровича Астафьева...

Через какое-то время я сидел в метро и смотрел, как люди бегут куда-то... бегут, суетясь, нагруженные своими нерешёнными проблемами, совершенно не видя друг друга... Да и желания у них такого, по-моему, не было. Огромный людской поток встречается с другим и, как в ледоходе, пытается прорваться, пробиться вперёд... Как это у Мастера? «...Вот

начинает тревожить и ломать реку дурной водой, то по верху льда погонит её, то забьет её крошевом льда до самого дна. Сдвинется, вспучит Енисей, заторов наделает, сломает дорогу, стащит её версты на две вниз, будто обкусанные горбушки хлеба, останутся обломки дороги под берегами, так и сак торопится зубастый лёд по всему полю реки».⁷

Я сидел в метро и думал о НЁМ... И так грустно, и тоскливо было на душе... от огромной для меня потери... И не только потому, что Господь подарил встречу с Великим русским писателем, а ещё и потому, что Мастер увидел во мне человека и художника и вдохнул в меня по-настоящему то вечное, что называется надеждою, а ещё — верою и, конечно, — любовью, и что сегодня так редко встречается в нашем мире... И моя благодарность, и память о нём бесконечна...

На Ярославском вокзале, отправляя телеграмму Марии Семёновне, я написал: «Низко склоняю голову светлая вечная память Виктору Петровичу скорблю вместе с вами всегда ваш Вячеслав Сорокин».

Вот, казалось бы, и всё... Но память не стирается, воспоминания с годами не просто накапливаются, а терзают тебя и «надсаживают» её, проклятую память эту, которая не даёт спокойно жить, будоражит нас изнутри, требует не забвения, а жития — и во имя светлого поминания, и ради будущих окаянных дней наших, чтобы не были они, на самом деле, таковыми...

Я много раз брался за написание записок этих, но не выходило ничего... Скорее начнёшь, увлечёшься, потом зайдёшь в тупик — думаешь, а надо ли именно это? Долгое время лежат они, листочки, не густо исчерканные, безучастные — часа своего ждут...

Несколько раз брался за инсценировку «Пастух и пастушка»... Ох, и жжёт до сих пор душу она, не ожившая

⁷ Астафьев В. Последний поклон. Собр. соч. в 15 томах. Т.5. Красноярск, 1997. С.19.

на подмостках история эта... И не только потому, что считаю последний разговор наш с Виктором Петровичем стал как бы благословением на постановку этой пронизывающей душу повести об опалённой войной настоящей любви... А ещё и потому, что театры мало обращаются сегодня к настоящей литературе, которая во весь голос кричит, что теряем мы истинное в себе, мельчаем, обкрадываем себя в вере, надежде и любви. Растрачиваем всё это, разменивая святое чувство — любовь, как говорил Мастер, «на простое бл...о»!..

Не жаловало меня все эти годы тогдашнее руководство Красноярского ТЮЗа, вычеркнув вовсе из истории театра. В принципе, как и сегодняшнее... Наверное, не доросли мы до настоящего искусства, которое вершили они тогда, да и вершат сегодня, в отличии от нас, непутёвых, хотя годы, отданные театру, тому Красноярскому ТЮЗу, были и остаются для нас лучшими... Когда я созванивался со вдовой Писателя, то Мария Семёновна по этому поводу говорила: «Тебе сказать, почему они тебя не пускают сюда?.. Ты же знаешь...» — «Догадываюсь, Мария Семёновна, — отвечал я, — умом понимаю всё, но всё равно больно...»

А спектакль шёл, несмотря ни на что... Умер Юра Щербаченко, умер Юра Горяев и Саша Алексеев, ушли из театра Света Руденко и Миля Шевчук, а спектакль продолжал жить... Не снимали почему-то, но ставили очень редко, а это для любой постановки верная гибель... Спасал ситуацию, да и сам спектакль, Толя Новосёлов, который самоотверженно следил за ним. И конечно же беспредельная любовь актёров к этому материалу.

Весной 2007 года, уж и не знаю, по чьей инициативе и с какой целью, в ТЮЗ были приглашены для просмотра репертуара ведущие критики страны по детско-юношеским театрам — Ольга Глазунова и Екатерина Дмитриевская. Они отсмотрели все представленные им спектакли, после чего сделали определённые заключения, которые, как

ни странно, не отразились ни в каких, как сейчас говорят, средствах массовой информации, после чего с Богом уехали обратно к себе в Москву. Наверное, и эта страничка театра канула бы в забвение, если бы со стороны руководства не были предприняты некие действия, похожие на «переаттестацию» или «переквалификацию» в отношении некоторых артистов, основываясь на «заключении» только что отбывших критиков...

Узнав об этом, я тотчас отправился в «Кабинет детских театров» при СТД к Ольге Леонидовне Глазуновой... Цель моя была достигнута: критики не давали никаких полномочий руководству театра «апеллировать» к их именам и вызвались тотчас позвонить в Красноярск, тем более что у них как раз было больше вопросов к самому художественному руководству театра... Мне не очень бы хотелось вдаваться в эти подробности обсуждения результатов работы критиков по итогам просмотра спектаклей ТЮЗа и их последствий, могу сказать только, к своей радости, что «Звездопад» на них произвёл как раз очень хорошее впечатление...

— Не может быть, Ольга Леонидовна, спектакль идёт семь лет, было сделано много вводов... — я пытался вытящить из критика истинную информацию о состоянии спектакля и их настоящее впечатление...

— Да нет же, — уверяла меня Ольга Леонидовна, — нас тронула сама атмосфера спектакля... Видно, что все артисты с большой любовью существуют в нём... для них он очень дорог — там есть ансамбль... Ну, правда, всё это так, — заключила Ольга Леонидовна.

Если бы она знала, насколько важно мне было услышать эти слова — абсолютно независимое мнение ведущего специалиста!.. Я тут же позвонил Анатолию Новосёлову и Марии Семёновне... Мы были горды тем, что плоды наши — память, сердце, душа, вложенные в исповедь под названием «Звездопад», — оказались настоящим откровением сценическим, да потому, видимо, и таким живучим... А отсюда родилась у меня и новая попытка доделать или, как

говорится, довести до ума театральную версию «Пастуха и пастушки». Летом 2008 года я это сделал и сразу же отослал Марии Семёновне. Осенью мною был получен долгожданный ответ.

«Уважаемый Вячеслав Николаевич!

Простите, пожалуйста, моё затянувшееся молчание!

Я в это время занималась многотрудным делом — созданием музея-кабинета Виктора Петровича.

Теперь я уже могу заверить всех знавших и любивших Виктора Петровича, писателя и человека, что я сделала всё, завещанное мне Богом и мужем, который в завещании просил: «Пока будет живо моё слово и всё, что может свидетельствовать о моей жизни и работе...» Памятник установлен; музей в родном селе работает хорошо; многим школам и музеям присвоено имя великого земляка, как и университету, так и многогрузному танкеру. В Пушкинском доме в Москве, в Перми и в родном г. Чусовом открыты наши семейные документально-архивные фонды.

Пишу левой, как могу.

За сценарий, за бережное отношение к тексту повести («Пастух и пастушка») я Вас благодарю и желаю успешной, интересной работы!

М. Астафьева».

Получив письмо от Марии Семёновны, я сразу же позвонил ей. Оказывается, Мария Семёновна отдала мой сценический вариант «Пастуха и пастушки» Эдуарду Ивановичу Русакову, а тот в свою очередь вручил его директору театра им. А.С. Пушкина Петру Анатольевичу Аникину. Пётр Анатольевич прочитал мою версию, высказал много хороших слов в её адрес, но в постановке отказал, сославшись на уже утверждённые планы в своей далёкой перспективе.

Скажу честно, меня этот отказ на самом деле очень огорчил. В ТЮЗе же, особенно после вояжа критиков, негатив ко мне только усилился. Правда у меня появлялась возможность, и не однажды, реализовать этот проект в других

театрах, но, как мне кажется, новая сценическая история любви Бориса и Люси должна состояться всё же на родной земле Мастера.

Но пока это остаётся только мечтой.

Да, в одном из последних интервью перед болезнью Виктор Петрович однозначно высказывался по этому поводу в беседе с журналистом Валентиной Майстренко.

Она беседовала с Писателем после нашей премьеры, назвав свою статью: «Ромео, Джульетта и тьма».

«Виктор Петрович, а на ваш взгляд, естественны, искренни эти сцены в нашем тюзовском спектакле?»

— Да. Это их вершина. Ведь это же не Малый театр и не Ермоловский...

Вполне сносно. Не стыдно было смотреть, а то, бывает, сидишь, а под тобой горит всё от чувства неловкости... А чувство неловкости — от несоответствия автору, несоответствия слову и тому, что он писал. Чувство такое чаще всего возникает, когда Режиссёр Режиссёровиç возмёт и за тебя дополнит. Он думает, что лучше меня знает это произведение, чувствует и имеет право дополнять. Вот тогда неловко и становится. Сидишь и думаешь: куда бы спрятаться? Есть, конечно, в спектакле несовпадения. Поскольку нынешние актрисы-акселе-ратки — люди уже другого века, они интонацию вкладывают во многое свою... Самый лучший спектакль по этой пьесе был всё-таки в Вологде. Это объясняется тем, что они были полны сил, открывали свой театр... Спектакль этот получил Государственную премию. Там музыка играла... лучше, чем у нас в ТЮЗе. Наши бы тоже получили премию, но у них динамик плохой! Хрипит, подлюга! Там реквием Верди гремел в полной темноте, и занавес открывался... Там занавес был. Здесь занавеса нет — мода такая. И немножко пылью всё покрылось, всё подыспорчено, потому и не разобрать, реквием это или «Сербиянка». А я вологодцам так и говорил: вам дали премию за Верди! Баранов — постановщик после премии сразу запил: как же — великий режиссёр! Исполнители главных ролей

стали признавать себя лучшими артистами Голливуда и всех частей света...

Но спектакль года два шёл с полным аншлагом. Когда публика-то схлынула: комсомольцы, наш брат-интеллигент — пошёл фэзэошник, всякий народ организованный. Так, бедная исполнительница роли Смерти, талантливая актриса Тамарочка Четникова жаловалась на то, что из рядов кричали ей с матом: «У, сука, подлюка, уходи!» Не хотели, чтобы солдатики смерти-то поддавались. Вот до чего их доводила! В ТЮЗе же нашем как только премьера прошла, я газетчиков просил: ради Бога, не ругайте, даже если вам и не понравилось что-то, театр едва-едва дышит. Режиссёр Слава Сорокин извёлся уже с ним, какой-то лес купил, перепродал, чтобы на постановку денег добыть. А эта постановка важна для них и для всего репертуара города. Нет сейчас в репертуаре Красноярска такого серьёзного материала. Нету просто такого спектакля — военного, нужного, про Ромео и Джульетту, где чистая, славная детская любовь... А насколько удачен он? Вот когда фэзэошник пойдёт, тогда и видно будет.

— Почему, на ваш взгляд, не было удачной постановки ваших достаточно драматических и вроде бы сценических произведений?

— Я тебе сознаюсь и скажу: не доросли... Ведь Слава Сорокин приехал ко мне с идеей постановки «Пастушки». Я говорю: ты с ума сошёл? При социализме ставили её, мне снимки присылали... Лежат на фотографии баба и мужик, прикрытые полотенцами, а на полотенцах ляписные общежитские штампы, такой вот соцреализм. А теперь такой разгул! Полповести я работал, пот выгонял, чтобы было откровенно, но не было замочной скважины, чтобы не коробило никого, что мужик с бабой половину повести лежат вместе. Представляешь, что сейчас из этого сделают! Тот же Слава Сорокин, куда он от этого денется? Я его отказом огорчил, он всё равно хочет вернуться к «Пастушке». Но пока я живой, я не дам никому

её ставить или снимать. Никому не дам, ни в кино, ни в театре...»⁸

Да, всё это так, тема любви неисчерпаема, как и память наша не имеет рамок, и глубина её бесконечна. Поэтому, конечно, многоточие ставит Мастер и надеется, что слово его будет живо долго... А вместе с этим потребность наша — дать этому слову сценическую жизнь — полна надежд и оптимизма...

В 2009 году в июне я был приглашён Виктором Степановичем Токаревым — директором Иркутского ТЮЗа им. Александра Вампилова на постановку пьесы Юрия Клепикова «Незнакомка». Я с радостью согласился, надеясь, помимо интересной работы, встретиться с хорошими своими знакомыми, живущими в этом замечательном городе на Ангаре, наконец-то увидеть один из любимых городов Виктора Петровича Астафьева и, безусловно, красавец Байкал, да к тому же слетать по возможности и в город на Енисее...

Сходя с трапа самолёта, я уже был в ожидании встречи с Сергеем и Татьяной Снарскими, замечательными в прошлом артистами, друзьями Юрия Горяева и Наталии Щуко. Юрий Михайлович мне часто рассказывал, что они с Сергеем Афанасьевичем каждый год заезжали рыбачить в отдалённые уголки Прибайкалья и проводили там большую часть своих отпусков...

Мы встречались нечасто, поэтому мне очень хотелось увидеть Сергея и Татьяну. Как, впрочем, и прекрасную актрису ТЮЗа, Народную артистку России — Людмилу Стрижову и её мужа, режиссёра Александра Валерьяновича Ищенко, Заслуженного деятеля искусств России, с которыми я познакомился в Москве, когда они были приглашены на III Международный фестиваль «Золотой витязь» в Минск. Мы также встречались после Белгородского фестиваля «Актёры России — Михаилу Щепкину» в 2005 году.

⁸ Ромео, Джульетта и тьма. В гостях у Виктора Астафьева. Интервью В. Майстренко. Новое и старое. № 6. 2001.

Ну и, конечно, как я мог не увидаться с Геннадием Константиновичем Сапроновым...

Скажу более — эти встречи превзошли все мои ожидания. Во-первых, Людмила Ивановна Стрижова репетировала у меня в спектакле. Во-вторых, мы — Сергей и Татьяна, Александр Валерьянович и Людмила Ивановна, и я, естественно, — провели один из выходных на Байкале! Они подарили мне этот день, мой первый день на этом удивительном и уникальном месте земного шара, и я им бесконечно за это благодарен. Я не мог об этом не сказать, потому что у каждого, кто приезжает в эти удивительные места, остаётся глубокий, неизгладимый и светлый след в памяти своей, и он обязательно хочет вернуться туда, чтобы вновь почувствовать тот неиссякаемый заряд энергии какой-то удивительной силы, что исходит из глубин этого чуда Света под названием Байкал...

На обратном пути мы поклонились могиле Александра Вампилова, где с высокого берега Ангары будто бросает он печальный взор свой на наше бытие... Надо же, как и могила Александра Сергеевича Пушкина, которую впервые я посетил в этом же 2009 году тремя месяцами раньше, так же возвышается в Пушкинских Горах над земной суетой...

С Геннадием Сапроновым я встретился у него в офисе. Честно говоря, он узнал меня не сразу, выглядел Великий Издатель, сейчас я могу сказать это с полной уверенностью — Великий, очень уставшим. Пережив несколько лет назад убийство сына распоясавшимися подонками, он ещё больше ушёл в работу... И спустя годы всё равно во взгляде его отражался этот страшный рубец на сердце... Узнав меня, его уставшие глаза заблестели, он схватил меня за руку и потащил к своему столу...

— Слушай, как здорово, что ты приехал! У нас скоро — 21 июня будет в театре Охлопкова Вечер Памяти Виктора Астафьева и Евгения Колобова.

— Да что ты говоришь? — чуть не вскрикнул я... — Гена, здорово!.. Извини, просто мне как-то даже не верится в это удивительное стечение обстоятельств.

— Да, ты знаешь, приехал Валентин Яковлевич Курбатов, здесь же Валентин Григорьевич Распутин... Да, кстати, — он положил передо мной две книги, — это тебе. Ну, если ещё что-то захочешь, там, на вечере купишь...

— Конечно, конечно, Геннадий Константинович, спасибо тебе огромное, — передо мной лежали две замечательные и прекрасно изданные книги — «Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952–2001» Виктора Астафьева и «Созвучие» Виктора Астафьева и Евгения Колобова...

— Потрясающие издания, честное слово, Гена...

— Стараемся, — скромно, но не без удовольствия улыбнулся он.

— А я хочу пригласить тебя на премьеру в ТЮЗ, в конце месяца... «Незнакомка» Юрия Клепикова... Я вообще-то с этим и пришёл...

— Ой, не знаю, Слава, мы сейчас собираемся пройти по Ангаре в места затопления Богучанской ГЭС с Валентином Григорьевичем и Валентином Яковлевичем... Мы собираемся проплыть по тем местам, где когда-то жили люди, были когда-то сёла... И обязательно с заездом в деревни, посёлки... Потом по Енисею, вверх, к Красноярску...

— Ты не представляешь, как я тебе завидую!.. В другой ситуации я, наверное, набрался бы наглости и напросился с вами, если бы не неотложные обязательства...

— Ну, тогда и ладно, тем более другой ситуации, скорее всего, не будет... — усмехнулся Издатель.

Мы проговорили ещё совсем немного, обменялись визитками, договорившись обязательно встретиться осенью в Москве, где Геннадий Константинович ежегодно участвовал в Книжных ярмарках. А пока мы расстались до Вечера Памяти, посвящённого Виктору Астафьеву и Евгению Колобову.

Господи! Кто бы мог подумать, что вскоре по возвращении из этой поездки — 14 июля Геннадия Константиновича Сапронова не станет... И как трагическое стечение обстоятельств прозвучит в этой удивительной передаче «Река жизни» роковой вопрос:

— Что такое смерть?

И последует его простой и мудрый ответ:

— ...Не знаю... Конечно, в последнее время и в каких-то обстоятельствах ты начинаешь о ней задумываться и даже себе её представлять, но не бояться... Вот... Её нет, наверное... Если я правильно жил... Её нет... Я же не уйду. Вот это останется — останется полка с книгами. Как уж кто-то распорядится ими?.. Другой вопрос — меня не будет, но я не уйду... Я хочу так жить, чтобы я не ушёл...

На 12, 13, 14 июня выпали выходные в театре. 11-го вечером я сел на поезд и к обеду 12-го был уже в городе на Енисее, где меня встречал Новосёлов. В День Независимости Красноярск масштабно отмечал ещё и присоединённый к нему День Города. Мы сразу же поехали к Большому концертному залу, где на Стрелке возвышался памятник Виктору Петровичу Астафьеву работы скульптора Игоря Линеви-Яворского.

Великий Писатель в граните предстал передо мной небывало мрачным, как потом объясняли «специалисты»: это «типичный жест Астафьева и колючее выражение лица, так свойственное ему при жизни». А по-моему, может, он и бывал таким в какие-то минуты своей жизни, но по сути своей Виктор Петрович был, конечно, проще, человечнее и мягче... Такой «колючий» человек, каким предстал на гранитном постаменте бронзовый Астафьев, не мог бы написать ни «Звездопад», ни «Пастух и пастушка», ни «Ода русскому огороду», ни «Царь-рыба», ни «Последний поклон». Опять же, это только мои впечатления и ощущения...

К Марии Семёновне мы приехали утром следующего дня. Скажу честно, конечно, сдала по жизни вдова Писателя. Ещё бы, без малого шестьдесят лет шли они рядом... Потери близких людей всегда являются ударами судьбы. И ум, и сердце отказываются их принимать, но реальность такова, что приходится смиряться с ними и идти по жизни с этим непростым грузом. Для Марии Семёновны эта утрата, да ещё в таком возрасте, стала невосполнима. Но она мужественно боролась с болезнями, мужественно воспринимала

ла становление по жизни внуков, мужественно пробивала увековечивание памяти Виктора Петровича. Она поведала нам свои беды, но говорила со свойственной ей твёрдостью и прямоотой, повторяя всё время слова мужа:

— «Пока будет живо моё слово и всё, что может свидетельствовать о моей жизни и работе...» А оно должно жить! Многое уже сделано, но и не сделанного в этом отношении тоже достаточно, и на это направлены мои силы...

Я рассказал ей, что 21 июня в Иркутске начинаются «Литературные вечера», посвящённые памяти Виктора Астафьева и Евгения Колобова, которые организывает Геннадий Сапронов с участием Валентина Курбатова и Валентина Распутина.

— Я очень им благодарна, и передавайте поклон от меня...

Собравшись, мы очень скоро вышли на улицу, сели в машину и двинулись в сторону Овсянки...

Прошло несколько лет со дня смерти Писателя, но мои ощущения не согласовывались со временем. Как потом, буквально через месяц, здесь же на его могиле скажет Валентин Распутин: «...сейчас окажется, что Виктор Петрович жив и очень много работает... Меньше всего я соглашаюсь с тем, что Виктор Петрович лежит здесь... Да, мы недалеко от него ушли, и он близко к нам...»

День был тёплый и светлый, кладбищенская тишина не внушала никакой тревоги внутренней, что обычно сопутствует в таких случаях... И даже в надпись, начертанную на надгробии, верилось с трудом: «1924–2001» — и его привычный и дорогой многим автограф...

Мы постояли какое-то время, Толя Новоселов зажжёт свечи — мы помянули Виктора Петровича. Мария Семёновна подошла к памятнику, несколько раз ладонью провела по нему, как бы погладила, потом, указав рукой на пустой рядом участок земли, сказала: «А это моё место...» Мы какое-то время молча постояли ещё и, поклонившись Виктору Петровичу, отправились в Овсянку, в дом, где жил он, и который сейчас стал музеем, так же как и находящийся рядом дом бабушки Писателя — Екатерины Петровны.

— Хорошо бы Галя была там... Ну, если нет, то позовём её, она живёт рядом, — сказала Мария Семёновна, когда мы уже въезжали в Овсянку.

Галина Николаевна Потылицина — двоюродная сестра Виктора Петровича, которая сейчас заведует всем музейным комплексом, очень обрадовалась этой неожиданной встрече с Марией Семёновной. Мы приветливо поздоровались и прошли во двор. Сразу же слева от дорожки красовалась скульптура Владимира Зеленова — сидящие на скамейке Виктор Петрович и Мария Семёновна. Да, на том самом месте, где все фотографировались с Писателем, и которое он с иронией называл «подиум». Мария Семёновна ласково погладила бронзовую фигуру мужа по ноге, потом повернулась к нам и, улыбнувшись, сказала: «Пойдёмте в дом».

Я был очень рад увидеть всё практически в таком же виде, в каком было при жизни Виктора Петровича. Только вот прибавились несколько настенных фотографий наших больших должностных лиц, посещавших этот домик уже в качестве музейного комплекса, да и атмосфера ощущалась нежилая, запах музея уже доминировал в горнице... Предо мной пролетели те незабываемые часы, которые я проводил здесь с Виктором Петровичем, и мне снова стало очень-очень грустно...

Потом мы прошлись по бабушкиному подворью, которое к чести создателей и реставраторов воссоздавало ушедшую эпоху, сыном которой был Великий Писатель.

Уже прощаясь с Марией Семёновной, я в который раз попытался заверить её в своём неостывающем желании поставить ещё спектакль по произведениям Виктора Петровича. («Звездапад» в ТЮЗе прошёл той весной уже последний раз.) Я поцеловал её руки, мы пообещали друг другу встретиться, но, как оказалось, эта встреча была последней... 16 ноября 2011 года этой удивительной, маленькой, но сильной женщины не стало... «Ныне отпускаеши по глаголу твоему...»

Известный музыкант, дирижёр Новой Оперы, единомышленник и друг Виктора Петровича Евгений Колобов очень точно подчеркнёт одну из максим Мастера: «...Надо жить, и пока живёшь, дерзать, перебарывая сопротивление и неуверенность свою, изжигая сердце, надсаживая память...»

21 июня 2009 года вечером я с большим волнением шёл в театр им. Н.П. Охлопкова на Вечер памяти Виктора Астафьева и Евгения Колобова. Меня встретил Сергей Снарский. В фойе театра продавались замечательные сувениры Прибайкалья и не менее замечательные книжные издания Геннадия Сапронова. К подаренным Геной книгам я взял ещё три — Валентина Распутина «В поисках берега» и «Век живи — век люби» и Валентина Курбатова «Подорожник». Уже войдя в зал, Сергей Афанасьевич сказал мне:

— Пойдём — познакомлю тебя с Валентином Григорьевичем Распутиным.

Я очень волновался, подходя к первому ряду у прохода, где сидел писатель. «Надо же, — отметил я про себя, — второе место с краю в первом ряду — как и Астафьев у меня всегда это место просил!.. Совпадение или...» Увидев Сергея, Распутин улыбнулся, встал и протянул ему руку. Они вкратце обменялись новостями...

— А это Слава Сорокин, — представил меня Сергей. — Ставит сейчас в нашем ТЮЗе спектакль, между прочим, с Виктором Петровичем в Красноярске делал «Звездопад», — писатель протянул мне руку.

— Здравствуйте, Валентин Григорьевич, очень рад вас видеть!

— Добрый день, я тоже, — ответил он, взглянув на меня своим добрым и печальным взглядом...

— Я только что был в Красноярске у Марии Семёновны, она передаёт вам поклон.

— Спасибо, — ответил Валентин Григорьевич. — Я думаю, мы скоро навестим её — идём по Ангаре и Енисею...

— Да, Геннадий Константинович говорил мне...

— Вы знакомы с Геной? — несколько удивился Валентин Григорьевич.

— Да, с тех пор, когда он приезжал на премьеру «Звездапада»... Валентин Григорьевич, — собираясь с силами, продолжал я, — если у меня возникнет возможность поставить «Живи и помни» — а я очень хочу поставить, — могу ли рассчитывать на ваше согласие?

Писатель, улыбнувшись, как-то очень просто ответил:

— Да сколько хочешь...

— Спасибо большое, — я протянул ему книгу «Век живи — век люби» для автографа и заметил при этом, что Виктор Петрович не всегда соглашался с подобными просьбами...

— Ну, Виктор Петрович, да... — недосказав мысль, Валентин Григорьевич что-то написал в книге и протянул мне обратно.

— Спасибо большое, Валентин Григорьевич, — с благодарностью ответил я и пригласил его на премьеру «Незнакомки»...

Прозвенел третий звонок... Наши места с Сергеем оказались во втором ряду сразу же за Валентином Распутиным. Я открыл книгу и прочёл: «Вячеславу Сорокину на дружбу. Валентин Распутин. 21.06.09.». Эмоции переполняли меня...

Свет в зале погас, на экране стали оживать страницы недавней истории... Истории, связанной прежде всего с памятью об ушедшем от нас почти восемь лет назад Викторе Петровиче Астафьеве. Фильм небольшой, фильм-посвящение, пронизанный трогательной музыкой, воссоздавал на экране живописные высокие берега Енисея, его — Писателя — уютный домик в Овсянке. А вот и Он сам пишет в тиши своей строчки, болью пронизанные, чтобы прочли мы их и стали чище немного, добрее, честнее, отзывчивее. И как напоминание всплывают на экране слова его, призывающие услышать созвучие струн души...

«Как бы мне хотелось, чтобы человек в развитии своём достиг такого совершенства, при котором, покинув сей свет, мог бы он слушать музыку родной земли.»

Лежал бы на вечном покое, отстранённый от суеты и скверны житейской, а над ним вечная музыка. Для него только и звучит. И всё, что он не смог услышать и дослушать при всей своей бедовой и хлопотной жизни, дослушал бы потом, под шум берёз, под шелест травы и порывы ветра...

Вот это было бы бессмертье, достойное человека, награда за муки его и труд.

Виктор Астафьев».

Господь и жизнь иногда нам преподносят бесценные подарки... Встречи с талантливыми, честными, открытыми миру, идущими навстречу к тебе, протягивающими руку в беде, да и не только в беде, бескорыстными во всём людям. И когда ты соприкасаешься с деяниями и творчеством их, а тем более с ними самими, в тебе начинает просыпаться совесть: не так ты что-то делаешь, не так идёшь по жизни, не так относишься к близким своим, да и не только к близким... А совесть, как известно, это такая маленькая штучка, которая границей проходит и балансирует на грани бытия и бездны, света и тьмы, огня и холода, добра и зла.

Дарятся нам встречи с такими людьми иногда благодаря, а иногда вопреки обстоятельствам... Как важно в тот момент разглядеть, увидеть и распознать свет настоящий в глазах их, который озаряет тебя. Почувствовать тепло души и рук их, сохранить всё это, а потом и одарить других. Не для того ли и пришли мы в этот мир, где память даёт нам силы и радость бытия, а забвение для смертных — смерти и подобно. И величайший дар этих людей нам — Слово, то настоящее Слово, которое зазвучит в тебе первозданно, словно оживаешь ты и силами крепнешь, и готов к созиданию и любви.

А какие слова Валентин Григорьевич сказал о Викторе Петровиче: «Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далёка доносящее родство всех, кто творил его и им говорил; когда великим драгоценным закромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте, всему-всему на свете зная подлинную

цену; когда плачет оно, это слово, горькими слезами уводимых в полон и обвязанных одной веревкой многоверстовой колонны молодых русских женщин; когда торжественной медью гремит во дни побед и стольных праздников; когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно и в какие нежно, приготавливая такие речи, лучше которых нигде не сыскать, и как напитать душу ребёнка добром, и как утешить старость в усталости и печали — когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем, душой, напитанными родовой кровью, — вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времён оно само по себе непоручимая клятва и присяга. Есть оно — и всё остальное есть, а нет — и нечем будет закрепить самые искренние порывы».

«Пока живо моё слово, — ответил, уходя, нам Мастер, — буду и я жив...» С настоящего СЛОВА всё начиналось, ИМ продолжилось, ИМ и живём сейчас, хотя порой как Его, настоящего-то, сейчас не хватает, поэтому и бесценно ОНО сегодня, как и бесценна память о НЁМ... ВИКТОРЕ ПЕТРОВИЧЕ АСТАФЬЕВЕ.

Вячеслав Николаевич Сорокин
ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ТЕАТР

История одного спектакля

Авторская редакция

Компьютерная вёрстка — *А.В. Громов*

Корректурa — *А.А. Сыромятников*

Издание подготовлено творческим объединением

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон: (846) 333-48-01

Подписано в печать 29.04.2021. Формат издания 60х96/₁₆.

Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Excelsior Cyrillic .

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.